

902.6

Г-85

Гриневат К. Э.

Опыт методики  
археологической науки.

1926г.

962.6  
Г-85

ИЗ КНИГ  
С. И. Григорова

Проф. К. Э. ГРИНЕВИЧ  
ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

962.6  
061

# ОПЫТ МЕТОДОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

==== ПОСВЯЩАЕТСЯ КЕРЧЕНСКОЙ  
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ  
1926 ГОДА И КЕРЧЕНСКОМУ МУЗЕЮ  
ДРЕВНОСТЕЙ (1826—1926) ====

**ВЕРЕНО**

Российский Институт культурного  
и природного наследия  
**Библиотека**

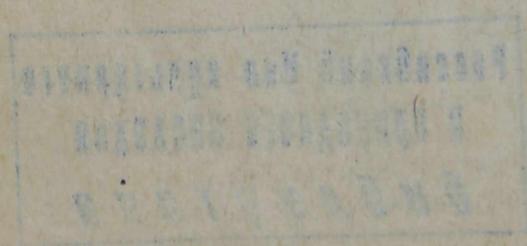
БИБЛИОТЕКА  
24.11.74

1926

+ 379.44(с)77(с264) + музей

## ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение. Определение понятий. История науки . . . . .	3
Список пособий общего характера . . . . .	6
Глава I. МЕТОДЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ РАЗЫСКАНИЙ	7
Пример 1. Олимпия . . . . .	12
Пример 2. Троя . . . . .	19
Пример 3. Городище Тамани. Вопросы археологической топографии . . . . .	19
Глава II. МЕТОДЫ РАСКОПНОГО ПРОЦЕССА	27
Пример 1. Олимпия . . . . .	34
Пример 2. Раскопки Трои . . . . .	43
Пример 3. Раскопки Ольвии . . . . .	43
Глава III. МЕТОДЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ	50
Пример 1. Раскопка могильника . . . . .	50
Пример 2. Обломок аттической краснофигурной котилы с изображением Аполлона из Керчи . . . . .	52
Заключение . . . . .	55



## ВВЕДЕНИЕ

### I

Предлагаемая вниманию работа выросла из преподавательской деятельности в Ленинградском Университете и написана для тех, кто интересуется анализом поступательного хода вперед человеческой мысли в области исторических наук. На восьми примерах, взятых из области последних достижений истории материальной культуры на Западе и у нас, автор показывает метод добывания и последующей научной обработки исторических фактов материальной культуры. Так как наше научное мирозерцание основывается на историко-социологических фактах, добытых именно историческими науками, то поэтому всем нам не бесполезно заглянуть в лабораторию ученого-исследователя, где куются эти выводы историко-социологического анализа. Ознакомление на примерах с этой лабораторной, черновой работой ученых и составляет содержание настоящей книги. По свойству материала „Опыт“ распадается на три части. В первой говорится о методах предварительных разысканий, во второй—о методах нахождения памятников (исторических фактов), в третьей—о научной их обработке (интерпретации).

В качестве примера, иллюстрирующего методы предварительных разысканий, мы берем разведки в Олимпии,— пример, в котором ученые разных наций оперировали с *maximum* предварительных данных, определенных, проверенных и датированных. Далее, вторым примером берем предварительные научно-исследовательские разыскания в Трое, третьим—построения в области археологии Таманского полуострова, когда археолог мог руководиться меньшим количеством предварительных данных, большею частью притом неопределенного и противоречивого характера.

Методы раскопного процесса иллюстрированы „классическими школами“ раскопок—олимпийскими, троянскими и ольвийскими раскопками. В качестве иллюстративного материала в третьей части взяты два примера из неизданного материала: анализ одной керченской гробницы, раскопанной автором (пример сложной датировки), и анализ обломка вазы. Эти примеры дают образцы описания, измерения, анализа стиля, техники и датировки.

К сожалению, автор был лишен возможности иллюстрировать свое изложение рисунками.

### II

Пытливый человеческий ум изучает окружающую его действительность не только в смысле постижения современного ему состояния земного шара, как это делают физики, антропологи, географы и натуралисты, но и в смысле временном, изучая далекие эпохи, скрытые в тумане прошлого. В этом направлении стимулом его деятельности является то вложенное в нас чувство любознательной пытливости, которая стремится постичь прошедшее во всем его разнообразии.

Но как постигать, чтобы результатом постижения были, не выдумки-фантазии досужего ума, а истина, т.-е. соответствующая былой действительности картина древней жизни?

История, наука о прошлом, чрезвычайно много посвящает этому вопросу и времени, исследующая те методы, которые приводят к истине.

От истории, под которой обычно подразумевают „историю культуры“, а чаще— „историю политическую“,—от истории необходимо отличать археологию, тоже науку о прошлом; но она исследует только материальные памятники прошлого и на них строит исторические факты. Поэтому в последнее время у нас, в СССР, ее называют обычно

„историей материальной культуры“—термин длинный и не совсем ясный. Как слово, состоящее из двух греческих слов—*ἀρχαῖος* и *λόγος*,—археология уже издавна понималась как „наука о древностях“, т.-е. изучение всевозможных вещественных памятников древнего происхождения. Платон, известный греческий философ,

употребляет этот термин в смысле „истории прошедших времен“, т.е. не отделяет археологии от истории. Целый ряд древних авторов точно так же понимают нашу науку<sup>1</sup>. Средневековое миросозерцание не благоприятствовало развитию такой чисто исследовательской „мирской“ науки, как археология, и только в конце XVIII века, под влиянием отчасти просветительной литературы, отчасти безраздельно царившего тогда ложноклассицизма, археология получила толчок к бодрому и быстрому движению вперед. Прогресс археологии связан с именем Винкельмана. Не перечисляя всех заслуг этого замечательного пионера в нашей области, укажем только на определение им границ области изучения искусства с исторической точки зрения и сознательное употребление им метода стилистического сравнительного анализа в деле исследования памятников древности.

Здесь, можно сказать, впервые было осознано значение изучения вещественных памятников (т.е. археологии) в области истории искусства и отсюда будет понятно то сужение понятия „археология“, которое возникло с 30-х годов прошлого столетия. А именно, в Германии в 1830 г. вышла в свет работа известного немецкого ученого К. О. Мюллера „Handbuch der Archäologie der Kunst“, в которой автор имеет в виду исключительно историко-художественную археологию древнего мира, а если мы перелистаем эту работу, то убедимся, что перед нами обычная, но одна из первых „Историй древнего искусства“ с несколько иным расположением материала.

Вот что говорит об археологии проф. Кёпп в 1 томике „Archäologie“ (Sammlung Göschen № 538, стр. 5. Lpz. 1911): „Удивительным, только при употреблении понятным словом „археология“ называют у нас, в Германии, научное изучение художественных памятников древности“. Значит, все памятники, не входящие в понятие искусства, но говорящие о состоянии культуры данного народа в данный период, а также все вопросы археологической топографии, в силу этого определения должны исключаться из круга ведения этой науки. Конечно, с таким определением понятия археологии нельзя согласиться<sup>2</sup>.

Французские и наши ученые были далеки от такого сужения этого понятия. В 1835 г. вышла в свет книжка французского ученого Саumon— „Abécédaire ou rudiments d'archéologie“. Здесь автор широко понимает термин „археология“ и вводит в это понятие изучение всех вещественных памятников.

Русские ученые дали целый ряд оригинальных определений понятия археологии, из коих приведу два.

И. Сахаров в статье, помещенной в „Записках отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества“, т. I, СПб. 1851, стр. 3—80, так определяет объем и содержание археологии: „Есть, говорит он, археология исчезнувших и археология существующих народов. Первая отыскивает следы древних идей и народных верований, угадывает в жизни погасшего народа одну творческую силу, составляет его историю, за неимением летописей и актов, из обломков протекших веков. Все ее источники заключаются в подземном мире, где сокрыт прах первобытных народов с их памятниками... Вторая судит о былой жизни существующих народов по наличным памятникам, свидетельствует о веровании по уцелевшим храмам, рассуждает о народных средствах и нуждах по зданиям, открывает нравы и вкусы в домашней утвари, измеряет быт его в определенных границах, указанных историческими событиями. Ее источники находятся в летописях, актах, наличных памятниках и в открытиях подземного мира“. В этих словах И. Сахаров проводит знак равенства между археологией и историей культуры, при чем последнее понятие у него включает в себя понятие истории.

Несколько иные задачи ставит археологии И. Забелин. В статье „В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки“<sup>3</sup> он говорит, что археология имеет свой особый, определенный и самостоятельный предмет познания. Это—единичное творчество человека в бесчисленных и разнообразных памятниках—вещественных

<sup>1</sup> Цицерон, Плиний, Дионисий Галикарнасский, Иосиф Флавий, Теренций Варрон, блаж. Августин, блаж. Иероним.

<sup>2</sup> В таком узком понимании этого слова составлен объемистый труд проф. Зиттля (Sittl) „Archäologie der Kunst“ в серии руководств под ред. Ив. Мюллера.

<sup>3</sup> Труды VIII Археологического Съезда, т. I.

и духовных. По мнению И. Забелина, основной задачей археологии является раскрытие и объяснение законов единичного творчества и путей, по которым это творчество воссоздает творчество коллективное-общественное, т.-е. историческое.

Словом, задачей археологии является раскрытие и объяснение той живой, неразрывной связи, в какой постоянно находятся между собой творчество единицы и творчество целого рода или народа. Предметами археологического изучения, по мнению И. Забелина, являются: „пища, одежда, жилище, ремесла, мастерства, художества, промыслы и т. д.“.

Думается, вряд ли можно согласиться с таким определением нашей науки, — и не потому, что остаются вне изучения какие-либо группы археологических памятников, — нет, изучаются они все, — но потому, что вряд ли исчерпывается задача археологии этими заданиями. В этом отношении ближе к истине, на наш взгляд, К. Грузинский, который говорит<sup>1</sup>: „Археология есть наука самостоятельная. Предмет ее исследования — остатки произведений физического труда человека под влиянием труда умственного, дошедшие до нас в виде вещественных памятников“.

К последнему определению нашей науки и мы примыкаем, так как оно, по нашему мнению, не позволяет, по примеру немецких ученых, суживать понятия и не позволяет ставить во главу исследований археологических вопросов предвзятые частные идеи.

Ставить знак равенства между терминами „археология“ и „история материальной культуры“ можно с такой неременной оговоркой, что под последним выражением надо понимать изучение исключительно вещественных памятников данного народа, и потом на основе этого изучения строить картину культуры преимущественно материальной.

Обычно разделяют археологию на два отдела: доисторический или первобытный и исторический<sup>2</sup>. Основой деления является наличие письменности.

Как уже было сказано раньше, до XVIII века археология, как и целый ряд других гуманитарных наук, находилась почти в том же зачаточном состоянии, как и в эпоху Фукидида. По меткому выражению французского исследователя Деонны<sup>3</sup>, история археологии, как и всякой другой науки, знает три стадии своего развития:

1) „Стадия хаоса“ — до XVIII века; 2) XVIII век — эпоха кристаллизации, а также определения границ науки, ее объема и содержания, а также начало методологического ее изучения; 3) развитие науки после XVIII века.

Особенно за последние 75 — 100 лет археология сделала огромные шаги вперед. Назовем такие ее достижения, как раскопки Трои, Олимпии, Пергама, Дельф, открытие древне-вавилонской культуры и культуры древнего Египта. В нашу задачу не входит следить за развитием нашей науки и ее достижений, тем более, что за последние годы на русском языке вышел ряд превосходных пособий<sup>4</sup>, а на немецком языке есть почти исчерпывающая книга проф. Михаэлиса „Ein Jahrhundert kunstarchäologischer Entdeckungen“, существенным недостатком которой является полное игнорирование достижений археологии на русской территории. Между тем, у нас в СССР до 1915 г. включительно велось, и в довольно широком масштабе, археологическое исследование, научно-административным центром которого являлась Археологическая Комиссия, ныне преобразованная в чисто научную „Академию Истории Материальной Культуры“.

С 1916 г. вследствие военных чрезвычайных обстоятельств прекратилась у нас в СССР археологическая деятельность в государственном масштабе. В такую эпоху вынужденного бездействия, которую и доселе почти переживает археологическая наука

<sup>1</sup> К. Грузинский.—Археология и История (Древний Мир. 1902, № 1).

<sup>2</sup> См. А. С. Уваров.—Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? Труды III Археологич. Съезда, т. I, 21. В. А. Городцов.—Первобытная археология. Курс лекций. М. 1908.

<sup>3</sup> Д е о н н а.—L'archéologie, sa valeur, ses méthodes. I—III. Paris, 1912.

<sup>4</sup> Проф. В. Бузескул.—Введение в историю Греции. Пгр. 1915 (3 изд.).

Проф. С. Жебелев.—Древняя Греция. Часть I. Эллинизмо. Пгр. 1920. Серия „Введение в науку“, в. VI.

Его же.—Введение в археологическую науку. Пгр. 1923 (2 части).

будет не лишним обратиться вспять, посмотреть на пройденный путь достижений, используя его как школу, где можно изучить методы или исследовательские приемы. На эту важную, чисто теоретическую часть нашей науки как-то доселе не было обращено должное внимание, и мы не имеем почти ни одного исследования, посвященного этому вопросу. Для избежания догматизма, а также в целях большей наглядности мы будем вести изложение методов археологической работы на целом ряде примеров, а при резюмировании выводов будет отведено место теоретическим умозаключениям.

Так как для выводов и построений общего значения необходим большой „опытный материал“, т.-е. материал, полученный путем опыта, то поэтому придется каждый метод иллюстрировать многими примерами.

Примеры взяты нами почти все из области классической археологии. На это имеются две причины: во-первых, почти только в этой области мы имеем раскопки в государственном масштабе и исключительного размаха; во-вторых—автор этих строк думает, что на изучении примеров, взятых из области классической археологии, легче проследить те методы, которые приводят к истине. Есть даже и третья причина, заставляющая брать примеры из этой области: эта работа создавалась в стенах русского университета и предназначена, как пособие для будущих русских исследователей. Перед нами очередной и насущной задачей встает необходимость продолжить ту великую культурную миссию открытия и изучения древностей греко-римского мира на юге СССР, а вместе с ними и древностей мира скифского, которая так неожиданно, на полдороге, была прервана событиями 1914—1917 гг. Думаем, что оправившееся от великих потрясений государство снова в состоянии организовать археологические раскопки, и тогда эта книжка послужит полезным справочником для избежания всех тех ошибок и неправильностей метода, которые были когда-либо допущены исследователями и изучение которых позволит сознательно их избегать и надежнее добиваться истинных результатов. Ибо археолог на своем знамени должен написать слово „Истина“ и должен стремиться к ней неуклонно.

## СПИСОК ПОСОБИЙ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- С. А. Жебелев.—Введение в археологию. Пгр. 1923.  
А. Михаэлис.—Художественно-исторические открытия за сто лет. М. 1913.  
A. Michaelis.—Ein Jahrhundert der kunstarchäologischer Entdeckungen. Lpz. 1908.  
В. П. Бузескул.—Введение в историю Греции. Пгр. 1915 г., 3-е изд.  
А. А. Павловский.—Значение и успехи классической археологии. Записки Новороссийского университета. 1892, т. 57.  
В. К. Мальмберг.—Успехи современной археологии. Ученые записки Юрьевского университета. 1896. № 1.  
Ш. Диль.—По Греции. М. 1913.  
Ch. Diehl.—Excursions archéol. en Grèce. P. 1894 г.  
Gardner.—New chapters in Greek History. L. 1892.  
А. А. Спицын.—Археологические разведки. Спб. 1908.  
А. А. Спицын.—Археологические раскопки. Спб. 1910.  
F. Köpp.—Archäologie 1—3. Lpz. 1911. Samml. Göschen. №№ 538—540.  
J. de-Morgan.—Les recherches archéologiques, leur but et leurs procédés. P. 1906.  
W. Déonna.—L'archéologie, sa valeur, ses méthodes 1—3. P. 1912.  
Fl. Petrie.—Methods and aims in archaeology. 1908.  
Sittl.—Archäologie der Kunst (Handbücher von Iwan v. Müller).  
В. А. Городцов.—Первобытная археология. Курс лекций. М. 1908.  
H. Bulle.—Handbuch der Archäologie. 1913.  
Ю. Готье.—Очерки по истории материальной культуры Вост. Европы. Лнгр. 1925.  
В. А. Городцов.—Руководство для производства археологических работ.  
К. Э. Гриневич.—Как заставить говорить древние камни („Народный Университет на дому“. Лнгр. 1925. Книга 1 и 5).

## ГЛАВА I

# МЕТОДЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

## ОЛИМПИА

Исходным примером для изучения методов археологического исследования мы берем правительственные германские раскопки в Олимпии, которые происходили в промежутке от 1875 по 1881 г. Хотя это были не первые раскопки широкого размаха, так как раскопки Шлимана в Трое шли уже с 1870 г., а в 1873 г. и Австрия производила археологические разыскания на о-ве Самофракии, но тем не менее олимпийские раскопки являются наиболее благодарным материалом для исходных штудий, так как исследователь в них имел дело с максимумом предварительных сведений.

Олимпия находится в Греции, в западной части Пелопоннеса, в местности Элиде. Здесь во II веке нашей эры путешествовал Павсаний, который составил художественно-археологический путеводитель по всей Греции. Это описание сохранилось до наших дней и, конечно, исследователю надо было прежде всего обратиться к „Описанию Эллады“ Павсания. Так он и сделал.

Описание Олимпии, ее истории и древностей занимает большое место в труде Павсания. Из 10 книг—две, а именно V и VI посвящены Элиде и, конечно, преимущественно Олимпии. Здесь описание ведется так: прежде всего Павсаний дает краткий исторический очерк страны (гл. 1—4), при чем под историей подразумевается мифология, затем описывается путь в Олимпию (гл. 5—7) и, наконец, автор переходит к описанию Олимпии, начиная его с описания Алфея. Павсаний дает подробную историю олимпийских игр (гл. 7—10) и затем переходит к описанию топографии и к описанию по частям всего священного участка Олимпии. Заканчивается все описанием окрестностей Олимпии (гл. 21—26 VI книги<sup>1</sup>).

Все описание настолько подробно и сделано настолько добросовестно, тщательно и на основании личного знакомства с местностью, что здесь всю Олимпию можно было топографически представить и без производства раскопок. Павсаний даже дает размеры святилищ и др. вотивных памятников, которые находились в этом центральном музее Эллады.

И, действительно, были попытки воспроизвести описание Олимпии только по описанию Павсания. Назову знаменитое произведение эпохи XVIII века—роман аббата Barthélemy—*Voyage d'un jeune Anacharsis en Grèce* (1790 г.). В нем дано блестящее живое описание Олимпии, ее храмов, статуй и пр. Приложенный к роману атлас дает план Олимпии, но, разумеется, точности нельзя требовать от плана воображаемой, на основании только письменного описания Павсания, Олимпии.

<sup>1</sup> Есть специальные археологические комментированные издания Павсания: Fraser's—*Pausania's Description of Greece* VI тт. и Hitzig-Blümner'a—*Pausaniae Descriptio Graeciae* с греческим текстом и комментарием на немецком языке. О Павсании см. Gurlitt—*Über Pausanias*. Переведен Павсаний на русский язык Г. Янчевецким.—Павсания описание Эллады. Спб. 1887—89.

Например, стадион на нем находится не на восток, как констатировано раскопками, а на запад от священного участка.

Были, кроме того, еще попытки графически представить скульптуры фронтонов храма Зевса только на основании одного описания: Эрнст Курциус, один из главных организаторов раскопок в Олимпии, за 23 года до раскопок произнес на заседании Научного Общества в Берлине речь об Олимпии и о необходимости раскопок. В этой речи<sup>1</sup> Э. Курциус говорил, полный воодушевления и благоговения к этому священному для греков месту, о гимнастических состязаниях и их значении в Греции, об истории Олимпии, о произведениях искусства, таящихся в священной почве, под илом Алфея толщиной в 16 футов! Говорил он о фронтонах храма Зевса: „Французскими раскопками в Олимпии 1829 г., читаем мы у него, найдены от статуй Алкамена и Пэония только самые незначительные куски. Все остальное лежит еще под слоем песка в 16 футов. Но в обеих группах фронтонов, при всем разнообразии и богатстве движения, господствует такая простота и ясность, что даже при самом сухом описании большие треугольные поля как бы сами заполняются живыми фигурами<sup>2</sup>. В переднем фронте, как раз под золотую Никой, мы видим Зевса, дарующего победу; рядом с его высокою фигурою по ту и другую сторону—герои страны, их смертные спутники, нетерпеливые кони с их нагнувшимися конюхами и, наконец, удобно расположившиеся божества рек, воды которых окаймляли священное место ристалища“. На таблице, приложенной к тексту этой лекции, Э. Курциус изобразил попытку графической реконструкции восточного фронтона. Кроме своей, автор привел еще реконструкции Фелькель-Шнорр фон Карольсфельда и Катрмер де Кенси, при чем реконструкция последнего очень близка к истинной реконструкции, основанной на раскопочных данных. Все эти рисунки очень удачно сопоставлены с данными раскопок на одной таблице en regard, приложенной к труду проф. В. К. Мальмберга—Древне-греческие фронтоновые композиции. Спб. 1904<sup>3</sup>, табл. XII—XIV, рис. 1—3, срв. рис. 5.

Все эти нами приведенные попытки реконструкций говорят, во-первых, о громадном интересе к Олимпии среди ученого мира Запада со времени XVIII века, во-вторых, о конкретности Павсаниева описания.

Сейчас нам будет небезынтересно проследить за укреплением в умах западно-европейских ученых мысли о необходимости раскопок Олимпии. Сохранилось письмо известного французского писателя Монфокона к своему другу, архиепископу о-ва Корфу Квирини. „Корфу, говорит Монфоко<sup>4</sup>, древняя колония коринфян, полна античных памятников, особенно надписей, почти все—на дорическом наречии. Зант и Кефалония также полны ими. Но что все это значит в сравнении с тем, что можно найти в области Мореи, близкой к этим островам (т.-е. западной части Пелопоннеса)? Это—древняя Элида, где праздновались олимпийские игры, где воздвигались бесчисленные памятники в честь победителей, статуи, барельефы, надписи... Несомненно, олимпийская почва ими насыщена и, нужно заметить, никто еще не копал эту местность...“ Эти пророческие слова, которым было суждено сбыться в 1875—81 гг., были написаны в 1723 году, т.-е. за 152 года до олимпийских раскопок!

В 1767 г. Винкельман в „Примечаниях“ к своей „Geschichte der Kunst des Alterthums“<sup>5</sup> говорит убежденным языком о необходимости

<sup>1</sup> E. Curtius, Olympia. Ein Vortrag. Berl. 1852.

<sup>2</sup> Это описание исходит исключительно от описания Павсания.

<sup>3</sup> Напечатано в „Записках Классич. Отдел. Русск. Археол. Общества“ т I и отдельно.

<sup>4</sup> Correspondance inédite de Mabillon et de Monfaucon avec l'Italie P. 1846, III, 214.

<sup>5</sup> Anmerkungen zur Geschichte d. Kunst des Alterthums, I, 84.

ехать в Грецию, в Элиду, и произвести раскопку Олимпии: „Я убежден, говорит он, что добыча превзойдет всякие возможные представления и что посредством точных раскопок будет пролито в область искусства много света“.

Ответом на этот призыв Винкельмана, страстного эллиниста и историка искусства, через 54 года на страницах *Gotta's Kunstblatt*<sup>1</sup> появляется план Зикклера — подпиской собрать нужную для раскопок сумму, произвести раскопку всей Олимпии, все найденные памятники перевезти в Германию и создать музей имени Винкельмана. Этот план поддерживали К. О. Мюллер и А. Бек, выдающиеся первоклассные эллинисты своего времени.

Но восстание греков разрушает приведение в исполнение этой заветной мечты Винкельмана. Бурные годы начала второй четверти XIX века принесли много нового: начинается не только априорное, кабинетное изучение Олимпии, — делаются попытки на месте произвести предварительные археологические разыскания. Начала им, правда, положены еще тоже в XVIII веке в трудах путешественников, ездивших на Восток с научно-исследовательскими целями. Здесь, прежде всего, следует упомянуть англичанина *Chandler'a*, ездившего в 1776 г. в Грецию и давшего первую картину действительного состояния Олимпии<sup>2</sup>. Путешественник совершенно правильно определил положение Олимпии и нашел развалины храма Зевса еще в хорошем сравнительно состоянии. По предложению Шуазель-Гуффье в 1787 г. Фовель дает первый эскизный план долины Алфея и расположения Олимпии, при чем стадион помещает на запад от Альтиса (*Barthélémy* повторил его ошибку<sup>3</sup>).

Война греков за независимость пробудила в Западной Европе особый интерес к древней Элладе, и французское правительство в 1829 г. снарядило специальную научную экспедицию в Морею для изучения остатков древностей и производства археологических разведок. Результаты этих работ опубликованы в трехтомном издании „*L'expédition scientifique de Morée 1829—30*“. Результаты экспедиции были громадны; несколько месяцев она провела в долине Алфея, стоя лагерем на холме Кроноса.

В Олимпии закипела жизнь. Исходным пунктом исследования были еще торчавшие из земли руины храма Зевса. Они были зарисованы, замерены, были произведены даже раскопочные земляные работы в целях нахождения остатков храмовых скульптур, были найдены обломки метоп. Жаркая погода, сопровождающаяся лихорадками, заставила экспедицию ограничиться только храмом Зевса и суммарным снятием на план всего священного участка. Но главное было сделано: руководствуясь географическими указаниями Павсания, была найдена действительная Олимпия. Дальнейшим шагом являлась бы организация настоящих научных раскопок всего участка.

И, действительно, со времени издания трудов этой экспедиции, к Олимпии возрос общественный интерес. Так, в 1836 г. Олимпию у греческого правительства хотел купить кн. Пюклер-Мускау, который предполагал ее всю раскопать, затем раскопанное реставрировать и устроить себе своеобразную виллу-музей.

Надо благодарить судьбу, что этот план не осуществился.

Наконец, в 1814 г. в Любеке в образованной бюргерской семье родился человек, с именем которого неразрывно связаны раскопки Олимпии, который Олимпию с детства сделал своей мечтой — это Эрнст Курциус<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> 1821 г. №№ 2—4, статья *Sickler'a*, *Gymnasial Direktor zu Hildburghausen*.

<sup>2</sup> *Chandler*.— *Travels in Greece*. Oxford, 1776, 294.

<sup>3</sup> *Barthélémy* мы цитируем по 4 изд., Paris. An XII=1804 г. т. III, ch. 38 и сл. p. 450 sqq).

<sup>4</sup> *Ernst Curtius*. *Ein Lebensbild in Briefen*. Изд. F. Curtius. 2 изд. 1913. 2 тт. В. Бузескул в „Филол. Обзор.“ XI, 1896 г.

Мы уже говорили о его лекции, посвященной Олимпии. Через год после нее, т.-е. в 1853 г., Курциус, пользуясь своей близостью к прусской королевской семье (он был наставником кронпринца Фридриха-Вильгельма), подал вместе с К. Риттером и К. Беттихером королю докладную записку о раскопках в Олимпии. В это время вышла в свет книжка известного исследователя Афин Л. Росса „Ausgrabung von Olympia. Ein Vorschlag“, в которой автор призывает немецких исследователей собрать подпиской сумму, необходимую для раскопок Олимпии. В результате было собрано только 262 талера. Докладная записка Курциуса подробно говорит о методе и значении этих раскопок. „В течение немногих месяцев, говорится в ней<sup>1</sup>, можно уяснить себе расположение всех главных зданий и памятников в Альтисе и так как все здания в своей первооснове, т.-е. в своих нижних частях, должны быть на месте (in situ), то открытие всего этого даст нам впервые лицемерные эллинского национального святилища. Здесь выйдут на свет божий архитектурные остатки различных времен и народов... и важные надписи.

„Что же касается несговорчивости греческого правительства относительно вывоза памятников за пределы Греции, то надо помнить, что дело идет о просвещенном интересе Прусского государства к науке и искусству, а вопрос о пополнении наших музеев оригинальными памятниками является второстепенным.

„Не должно быть никаких сомнений в том, что начинать исследование Олимпии надо с развалин храма (Зевса) и точно его исследовать во всех частях. Всякую высыпку земли производить к берегу Алфея, чтобы не закидывать подлежащие исследованию участки. От храма по радиусам идти с зондирующими траншеями по всем важным направлениям, так, например, к холму Кроноса, чтобы открыть субструкции древних сокровищниц, к большому алтарю и к храму Геры, развалины которого должны быть невдалеке, к стенам, к воротам гимназии и т. д. Также большую добычу даст очищение ссыпных ям большого алтаря“.

Кампания вся была рассчитана на 3 месяца (февраль — май) на 50 рабочих при 2 техниках, 1 архитекторе и 1 археологе. Стоимость была определена в 1200 талеров ежемесячно. Король прусский одобрил этот план, равно как и греческий король Оттон, и все, казалось, было приготовлено к исполнению, как вспыхнувшая в 1854—55 гг. Крымская война заставила обоих монархов временно отказаться от приведения в исполнение этого проекта.

Только через 20 лет, в 1874 г. удалось вновь поднять вопрос о государственных раскопках Олимпии. В это время королевство прусское стало во главе Германской империи после разгрома Франции в 1870—71 гг. и, чтобы загладить неприятное впечатление от кровавых, жестоких событий этих лет, Германия решила на свой счет, по настояниям Э. Курциуса, произвести раскопки Олимпии. Для нас интересна докладная записка этого ученого, поданная им рейхстагу при испрашивании кредита на раскопки:

„Открытие священного округа Олимпии, говорит Э. Курциус, есть предприятие, об исполнении которого уже более ста лет страстно мечтали все друзья античного мира, и должно сказать, что вряд ли найдется другое предприятие, которое представило бы для науки и искусства бóльший интерес.

„Сокровища класической древности со времени рождения интереса науки к прошлому собираются с неутомимой старательностью и так же старательно обрабатываются. Их внутреннее содержание вошло в плоть

<sup>1</sup> Olympia. Die Ergebnisse der von d. Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabungen. Berl. 1892 (текст E. Curtius и F. Adler), т. I (текст), 107, глава „Geschichte der Ausgrabungen von Olympia“ von R. Weil.

и кровь нашего образования—и поэтому вопрос об увеличении этих сокровищ не может быть вне нашего интереса. Наша наука сильно нуждается в более широком знакомстве с греческим художественным миром, знакомстве с его памятниками, составляющими один комплекс, как Олимпия. Для выполнения этого необходимы силы учреждения, которые превышали бы своими средствами силы отдельных лиц“.

„И вновь основанная империя немецкой нации, восклицает Э. Курциус, безусловно не может иметь более достойной ее мирной задачи, как организация научной экспедиции в Грецию, и более вознаграждающей задачи, как систематическое открытие священного участка Олимпии“.

Олимпия представляет, по словам того же Курциуса, „наиболее благодарное поле для раскопок, ибо здесь засвидетельствовано богатство почвы разного рода памятниками архитектуры и скульптуры, посвященными приношениями и надписями всех периодов греческой истории и всех областей материка и колоний. Здесь был богатейший архив греческой народной истории, и нельзя думать, что большая часть всех сокровищ вывезена римлянами и византийцами или разрушена варварами. Раскопки французов в 1829 г. показали, как много еще сохранилось. Памятники искусства погребены под упавшими от землетрясений зданиями и здесь, как упали, так остаются лежать и теперь. Ведь, вся эта местность в средние века и в новое время не играла никакой политической роли и была забыта. Нельзя думать о массовом вывозе памятников из местности, расположенной внутри страны.

„Новых поселений не было—и все данные за то, что здесь мы можем открыть целую картину жизни одного из величайших центров эллинского мира.

„Олимпия, далее, точно локализована руинами храма Зевса и холмом Кроноса. Между ними лежат важнейшие святилища и места культов. Поблизости же находятся важнейшие посвящения, статуи и пр. Бронзовые статуи, конечно, увезены или разграблены, но кое-что, несомненно, сохранилось. В 1813 г. W. Gell при раскопках в Олимпии нашел медную дощечку с политическим договором Элиды; в 1817 г. здесь нашли шлем—посвящение Гиерона Сиракузского после победы над тирренцами. И так, мы видим, что в почве Альтиса (т.-е. священного участка Олимпии), равно как и в ложе Алфея, можно натолкнуться на множество отдельных остатков древности. Особенно обильную жатву даст методическая раскопка местности. Также храмовые скульптуры не могли бесследно исчезнуть, и мы можем рассчитывать на находку целого ряда произведений из школы Фидия.

„Но, не считая все эти отдельные находки, которых число и значение не поддаются априорному учету, мы, что самое главное, познакомимся с расположением храмов богов, герооноу, алтарей, сокровищниц, террас, украшенных некогда статуями, следы от которых, без сомнения, остались; и так как мы, благодаря точному описанию Павсания, хорошо знаем Олимпию в основных чертах,—то здесь впервые мы будем в состоянии изучить целый комплекс древних памятников, в их, так сказать, пространственной связи, что доселе можно было делать только в Помпеях“.

И так, приступая к раскопкам Олимпии, исследователь уже имел перед собою целый оформленный план действий, который исходил из признания за Олимпией особого значения, как центра религиозно-художественной жизни древнего грека. Эти предварительные разыскания, на которых базировался план действий, как мы видели, состояли из двух частей: первых, разыскания историко-филологического, литературного порядка, состоявшие в изучении древних авторов, в отыскании и сопоставлении древних свидетельств, касающихся Олимпии. На основании их изучения строится априорное археологическое представление об Олимпии.

Во-вторых, разыскания археологического порядка, состоящие в снаряжении экспедиций или экскурсий на важные в историко-художественном отношении места и в организации предварительных исследований даже раскопчного характера, цель которых — выяснить значение места, топографические особенности, взаимоотношения частей городища друг к другу; например, французская экспедиция в Олимпию 1829 г. выяснила местонахождение Олимпии, значение отдельных частей городища, размеры городища и, наконец, возможность находок, в смысле насыщенности почвы культурными остатками. Следующим этапом должны были явиться раскопки Олимпии.

## Т Р О Я

Раскопки Олимпии были нами взяты в качестве исходного примера, так как их предварительные разыскания оперировали с наибольшим количеством данных, а раскопки 1829 г. дали завершение на деле этих кабинетных предварительных штудий. Курциус и Адлер, приступая к раскопкам Олимпии, были, что называется, вооружены с ног до головы и прекрасно осознали свою цель, осознали ее с объективным спокойствием.

Совсем иную картину дает нам предлагаемый вниманию второй пример. Здесь, в Трое, предварительные разыскания должны были опираться на сомнительные факты. Главный источник — творения Гомера — еще с XVIII века был заподозрен учеными и вокруг этого вопроса до сих пор, пожалуй, может вестись спор, являются ли Илиада и Одиссея незыблемыми историческими источниками, все показания которых надо слепо принимать на веру? Это был первый пункт сомнений. Вторым являлась локализация Трои. Уже с XVIII века ученые-филологи и географы-путешественники определяли местоположение древней Трои частью на холме Гиссарлык, частью — на холме Бунарбаши (оба — в северо-западной части Малой Азии, к югу от Дарданелл. И так как эти сомнения потребовали специальных предварительных штудий на месте, то поэтому Троя является примером археологических разысканий с меньшим количеством предварительных данных, базирующихся, кроме того, на не вполне достоверном историческом источнике.

Отыскание древней Трои, предпринятое в 1870 г. энтузиастом Генрихом Шлиманом и так счастливо в 1894 г. законченное В. Дерпфельдом, не будет понятно и значение его не встанет во весь рост, если не сделать небольшого исторического подхода.

Надо помнить, что величайшим поэтом древности считался слепец Гомер; ему приписываются два произведения — Илиада и Одиссея, написанные гекзаметром. В них говорится о древней распре между греками континента и Малой Азии, описывается осада малоазиатского города Трои, взятие его хитростью, описываются многочисленные подвиги героев, дается живая своеобразная картина быта, жизнь города, его внешний вид и т. д. „Одиссея“ описывает полное приключений возвращение на родину виновника взятия Трои — хитроумного Одиссея. По общему признанию ученых, Гомер жил в IX—VIII вв. до н. эры. Еще в XVIII веке был поднят вопрос о существовании Гомера, высказан был целый ряд остроумных догадок и дан целый ряд более остроумных, чем достоверных объяснений творений Гомера. В нашу задачу не входит рассмотрение этих объяснений „гомеровского вопроса“, так как по нему имеется специальная литература<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Перечень литературы см. у В. Бузескула. Введение в ист. Греции, 3 изд. 1915, стр. 31, прим. 2 и стр. 32, прим. 1. Особенно рекомендуется статья проф. Зелинского „Старые и новые пути в гомерическом вопросе“ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1900, май.

Гомеровский эпос должен считаться величайшим произведением древности потому, что „Илиада“ и „Одиссея“ для античного человечества были тем же, чем Библия и Евангелие были для средневековых людей и людей нового времени. Греки и римляне воспитывались на Гомере. Насколько было в древности сильно влияние Гомера, — видно на следующем примере:

Римский учитель красноречия (ритор) Дион Златоуст в 100 году н. эры посетил Ольвию — древнегреческий город, находившийся почти у слияния Днепра с Бугом, на месте нынешнего села Парутина, в 40 верстах к югу от Николаева. Он дает в XXXVI речи чрезвычайно яркую картину жизни этого города, перенесшего целый ряд разрушений и являющегося аванпостом античной культуры среди моря варваров, заселявших причерноморские степи. „Случилось мне летом быть в Борисфене (так называет Дион Ольвию), когда я после изгнания прибыл туда морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам... Почти все борисфениты усердно читают Гомера, вероятно, потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу: они чрезвычайно чтут его, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе, и, кроме Гомера, ни о ком другом и слушать не хотят. Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто, благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки Илиаду почти все знают наизусть. Я шутя сказал Каллистрату: „Как ты думаешь, Каллистрат, который поэт лучше — Гомер или Фокилид?“ — „Да я не знаю и имени другого поэта, с улыбкою сказал Каллистрат, — да, вероятно, никто и из присутствующих: мы не признаем никакого другого за поэта, кроме Гомера, но зато его знает почти всякий“. В самом деле, их поэты упоминают только о Гомере в своих стихотворениях. Эта шутка Диона не понравилась Каллистрату: „Гость, сказал Каллистрат, дело в том, что мы тебя любим и очень уважаем: иначе ни один борисфенит не вынес бы подобных нападков на Гомера и Ахилла: последний, как ты видишь, наш бог, а первый почитается почти наравне с богами“...

Вся древность считала произведения Гомера историческим источником и никто не сомневался в истинности его слов, приводя, наоборот, из него цитаты для более веской аргументации.

Мы не будем здесь приводить историю открытия Трои, рассказанную в автобиографии словоохотливым Шлиманом — она достаточно известна<sup>1</sup>. Переходим к тем данным, которые имел в своем распоряжении Г. Шлиман перед раскопками Трои.

За год до начала троянских раскопок Генрих Шлиман предпринял предварительное исследовательское путешествие в Троаду для определения местоположения древней гомеровской Трои. Вместе с этим он посетил материк Греции и о. Итаку — родину гомеровского героя Одиссея. Результаты этого предварительного путешествия изложены Г. Шлиманом в небольшой книжке — „Ithaka, der Peloponnes und Troja“ (Leipzig, 1869) — *Archäologische Forschungen*. Кроме того, источники предварительных разысканий изложены им в книге „Ilios, Stadt und Land der Trojaner“. Leipzig, 1881.

Разумеется, главным и руководящим источником в полном смысле этого слова для Шлимана служили поэмы Илиада и Одиссея. Они для него непререкаемый источник исторического значения, что особенно следует подчеркнуть, ибо для Шлимана почти не существовал „гомеровский вопрос“.

<sup>1</sup> Приведена в книге Н. Schliemann, Ilios, 1881. На русском языке — В. П. Бузескул — Введение в ист. Греции<sup>3</sup> 1915, стр. 318 и сл. Его же — Древнейшая цивилизация в Европе, Харьк. 1918, Лихтенберг. — Доисторическая Греция (общий обзор культуры).

По свидетельству Гомера, Троя должна была находиться в долине Симоиса и Скамандра, который должен течь с юга на север, с вершины горы Иды<sup>1</sup>. Троя видна с Иды и вершины о-ва Самофракии, как свидетельствуют следующие стихи из Илиады (XIII, 9):

„Но соглядел не напрасно и мощный земли колебатель (Посейдон),

Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву  
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама  
В Фракии горной; оттоле великая виделась Ида,  
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахейн“.

Самый город представлялся стоящим как бы на горе, во всяком случае, часто Трое предпосылается эпитет „высокая“.

Под стенами города сразу было болото<sup>2</sup>. Самый город стоял на месте двух источников, питавших реку Скамандр (Ил. XXII, 147):

„Так он (т.-е. Ахилл) за Гектором пламенный гнался, а трепетный Гектор  
Вдоль под стеной убежал и быстро оборачивал ноги.  
Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,  
Оба вдали от стены, колесничной дорогою мчались;  
Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою  
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.  
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно  
Пар от него подымается, словно как дым от огняща,  
Но источник другой и средь лета студень катится,  
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.  
Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,  
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы  
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили  
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской“.

Вот нахождение этих ключей и должно было служить исходной точкой для искания места древней Трои, по мнению Шлимана.

„Илиада“, кроме того, позволяет выяснить и другие топографические вопросы, а именно: „стан корабельный ахейн“—конечно, должен был находиться на берегу моря. Северная или северо-западная оконечность Трояды—вот где его локализует Шлиман.

От стана ахейцев до Трои, согласно Илиаде, расстояние небольшое: со Скейских ворот Елена узнает ахейских военачальников, пришедших из стана на битву, а место битвы локализуется так:

„Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает  
Агнецв поспешно принести и вызвать владыку Приама.  
Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию  
К сеням ахейским итти и принести на заклание агнца...“<sup>3</sup>

Из последующего выходит, что вестники быстро вернулись и поэтому расстояние от берега до Трои не может превышать 5 верст.

Что касается размеров города, то Илиада также может дать некоторые приблизительные данные (Ил. II, 125):

„...Ибо, когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,  
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,  
И трояне собрались бы все, сколько есть их во граде;  
Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,  
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночершца,—  
Многим десяткам у нас не достало б мужей виночершев...“

И если принять, как обычно, войско ахейцев в 100.000 чел., то войско троянцев будет около 10.000 чел. Исходя из этой цифры, народонаселение Трои не должно было превышать 50.000 чел., т.-е. должен был быть сравнительно большой город.

Самый город Гомер называет „ὄφρυβέσσα“ — „высокотвердынный, высокий, ἀίπεινή“ — крутой, „ἰνυέβεσσα“ — обвеваемый ветром, что должно указывать на его доминирующее положение в долине, на известной высоте, на холме.

<sup>1</sup> Илиада, песнь XII, стихи 19—24. V, 773—775.

<sup>2</sup> Одиссея, XIV, 472.

<sup>3</sup> III, 116.

Кроме того, Троя имела акрополь, по имени Пергам<sup>1</sup>. Внутри Трои был дворец Приама, который Гомер описывает так<sup>2</sup>:

„Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,  
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось  
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,  
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама  
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;  
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни  
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесанных камней,  
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама  
Все почивали зятя у цветущих супруг их стыдливых)...“

Кроме того, в Трое были дворцы и сыновей Приама:

„Гектор великий достигнул Парисова пышного дома,  
Сам он дом сей устроил, с мужами, какие в то время  
В целой Трое холмистой славнейшие зодчие были;  
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили,  
В замке градском, не вдали от Приама и Гектора дома“.

Здесь, далее, по Гомеру, перед жилищем Приама, находилась Агора, т.-е. площадь для народных собраний<sup>3</sup>. В городе, кроме того, находились храмы Аполлону и Афине<sup>4</sup>.

Город окружен крепкими стенами, которые построены Посейдоном и Аполлоном:

„Или не видишь ты (Зевс), в ночь кудреглавые мужи ахейцы  
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий  
Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?  
Слава о ней распространится, где только денница сияет,  
Но позабудут об оной, которую я (т.-е. Посейдон) с Аполлоном  
Около града царю Лаомедону создал, томяся<sup>5</sup>.“

Или:

„Повинуясь воле Кронида,  
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,  
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.  
Я (т.-е. Посейдон) обитателям Трои высокие стены воздвигнул,  
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту<sup>6</sup>...“

Стены были украшены башнями, о которых Илиада упоминает неоднократно. В стенах были ворота, особенно часто упоминаются фланкированные башнями Скейские ворота, которые должны были выходить в поле, где сражались обе рати.

Вот, в кратких словах, та картина Трои, которая нарисована Гомером. Шлиман, приступивший к делу отыскания Трои, встретился с двумя мнениями относительно местонахождения этого города: одни ученые доказывали, что Троя должна находиться на месте холма Гиссарлык, недалеко от впадения Симоиса в Скамандр. Другие ученые локализовали Трою на месте холма Бунарбаши, отстоящего от берега на расстоянии 14 километров. За Бунарбаши высказались:

Lechevalier—Voyage de la Troade<sup>3</sup>. 1802;

Rennel—Observations on the topography of the plain of Troy. London. 1814;

Choiseul-Gouffier—Voyage pittoresque de la Grèce, 1820;

Mauduit—Découvertes dans la Troade, 1840;

Forchhammer—в Journal of the Royal Geographical Society. Vol. XII (1842);

Texier—Voyage dans l'Asie Mineure;

Welcker—Kleine Schriften.

<sup>1</sup> „Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает  
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама“ (Ил. V, 445).

<sup>2</sup> Ил. VI, 243.

<sup>3</sup> Илиада, VII, 345.

<sup>4</sup> Ил., V, 445; VII, 20; Афины: Ил., VI, 88 и 302.

<sup>5</sup> Ил. VII, 448.

<sup>6</sup> Илиада, XXI, 441.

Интересно отметить, что такая локализация Трои всплыла только в XIX веке. До этого вся античная традиция и все писатели помещали Трою на месте позднего римского городка, вернее, деревушки — „Нового Илиона“. Географ Страбон нам передает в XIII книге своей „Географии“, что после Троянской войны и после сожжения город не погиб, но отстроился и продолжал существовать, на что, впрочем, можно найти указания даже в Илиаде<sup>1</sup>. Тот же Страбон указывает на авторитет древнего писателя Гелланика, свидетельствующего о тождестве Трои с „Новым Илионом“, и что лидийцы собрали окрестных жителей и поселили в обновленном городе. Известно<sup>2</sup>, что персидский царь Ксеркс на пути в Грецию проходил Троаду и остановился осмотреть древнюю Трою, в которой упомянуто святилище илионской Афины, а также Пергам (кремль) древней Трои. И Ксенофонт (I, 1, 4) свидетельствует, что в Илионе был храм илионской Афины, которой лакедемонский полководец Миндар принес жертвы.

Страбон (XIII кн.) свидетельствует, что и Александр Македонский, на пути в Персию, посетил Трою и воздал ей высокие почести, как сокровищнице военной доблести<sup>3</sup>. Трою он нашел опустившейся до степени деревни и на возвратном пути богато одарил храм илионской Афины. Он обещал в своем рескрипте на имя жителей Трои, что он сделает ее большим цветущим городом. Но Александр умер, не приведя своего обещания в исполнение. Лизимах, бывший его полководец, отчасти это исполнил: он построил храмы и обвел весь город стеной, имевшей, по Страбону, 40 стадий длины. Он увеличил число жителей священного города путем переселения в него окрестных жителей. Но, рассказывает далее Страбон, Илион снова приходит в запустение, и Деметрий из Скепсиса не видит на домах Трои ни одной черепичной крыши! Это в эпоху первого появления римлян в этих местах<sup>4</sup>.

Поднятый римлянами город был жестоко опустошен и разорен Фимбрией, полководцем Митридата. Сулла, его победитель, отстраивает город и помогает впадшим в нищету жителям. Особенно много для Илиона сделал Юлий Цезарь, считавший себя потомком троянского выходца Энея. Он заново отстроил город, одарил его землями, дал ему автономию и освободил от податей.

И так, мы видим, что Новый Илион, существовавший в послетроянскую эпоху, считался местом древней Трои. Однако, только Деметрий из Скепсиса (у Страбона, XIII) утверждал, что Скепсис, его родной город, должен был быть центром троянского царства, местопребыванием Энея. Он утверждал, далее, что в Новом Илионе нет достаточно места для героических состязаний, что вокруг его нельзя обежать, в виду холмистости места<sup>5</sup> и т. д.

Поэтому Деметрий Трою переносит на 30 стадий от Нового Илиона, или на 42 стадии от берега, хотя сознается, что никаких следов от города в этом месте не имеется<sup>6</sup>.

„Стан корабельный ахеян“ является определяющим данным для априорной локализации древней Трои, так как ряд свидетельств из Илиады показывает, что расстояние между станом, расположенным в непосредственной близости от морского берега и городом, должно

<sup>1</sup> Илиада, XX, 300—308.

<sup>2</sup> Геродот, VII, 43.

<sup>3</sup> См. Плутарх. — Биограф. Александра Македонского, гл. VIII и XV. См. Арриан I, 11.

<sup>4</sup> См. Юстин, XXXI, 8.

<sup>5</sup> „διὰ τὴν στυχεῦν ῥάχιν“, Strabo XIII.

<sup>6</sup> Вот эти-то сомнения Деметрия, зафиксированные Страбоном, и дали повод целому ряду путешественников и исследователей искать древнюю Трою где-то в ином месте, чем на городище Нового Илиона римской эпохи.

было быть небольшим, не более 4—6 верст, так как гонцы очень быстро приносят вести (Илиада, III, 116). Еще Страбон локализует ахейский стан: „Вблизи Ретейя виднеется разрушенный город Сигей, гавань ахеян, далее ахейский лагерь и болото или море, именуемое Стомалимом, и устье Скамандра“ (Страбон XIII, I). До холма Гиссарлыка, который считался Шлиманом Новым Илионом и что подтвердилось рядом эпиграфических находок непреложным образом, от этого предполагаемого ахейского стана — 5 километров, т.-е. около 5 верст, что вполне, согласуется с Илиадой.

Вот в каком положении стоял вопрос „где же была Гомерова Троя?“ в тот момент, когда после книжных кабинетных штудий Генрих Шлиман поехал в северо-западную часть Малой Азии, чтобы путем ознакомления с топографией места решить вопрос, где искать Трою Илиады. Предваряем, что Шлиман считал Гомера непогрешимым свидетелем и все слова его эпоса принимал за чистую монету.

6 августа 1868 г. знаменитый исследователь, купец Генрих Шлиман, выехал из Пирея в Троаду (северо-западная оконечность Малой Азии), чтобы на месте найти гомеровский город. После многих перипетий пути, о которых он так красноречиво пишет в своем дневнике<sup>1</sup>, Шлиман попадает в деревню Бунарбаши, которую очень многие видные знатоки и исследователи признавали местом древней Трои. „Сознаюсь, пишет автор, что я едва мог преодолеть свое волнение, когда я воочию увидел перед собой ту самую необъятную долину Трои, о которой я так долго мечтал в дни моего детства“.

Вспоминая Илиаду (XXII, 147—156), Шлиман ищет ключей, около которых троянские жены и дочери мыли белье. К удивлению, он находит не два, а 34 ключа. Опуская в воду свой карманный градусник, исследователь обнаруживает во всех источниках одну и ту же температуру в  $17\frac{1}{2}^{\circ}$ <sup>2</sup>. Это на первых же порах, по словам Шлимана, заставило его усомниться в подлинности избранного места. Надо прибавить, что такая ничтожная подробность, как число источников, конечно, в научных подготовительных работах не должна бы играть никакой роли, так как за протекшие тысячелетия, если даже мы и будем считать Илиаду непогрешимым свидетелем, конечно, такие подробности могли легко исчезнуть... Кроме того, Шлиману показалось несоответствующим Илиаде расстояние Бунарбаши от морского берега, где был расположен „стан корабельный ахеян“. Действительно, вместо ожидаемых 4—6 верст (см. выше), от Бунарбаши до берега 10 верст (12,8 кил.) Все-таки, чтобы окончательно убедиться, Шлиман занялся исследованием самого городища Бунарбаши. Это был довольно высокий холм, из-под вершины которого вытекают выше упоминавшиеся источники. Тут же располагалась бедная албанская деревушка из 23 хижин. В силу того, что в половине XIX века все исследователи почему-то считали Бунарбаши местом Трои, в мае 1864 года австрийский консул Г. фон Ган вместе с афинским астрономом Шмидтом произвел здесь археологические разведочные раскопки. Но он ничего значительного не нашел, кроме остатков крошечного поселка эпохи македонского владычества (конец IV—начало III века до н. эры<sup>3</sup>).

Но результаты раскопок Гана не убедили Шлимана. „Я желал, говорит Шлиман (ibid.) это крайне важное для меня обстоятельство (т.-е. отождествление городища Бунарбаши с истинной Троей) еще глубже исследовать и установить и поэтому я нанял некоторое количество

<sup>1</sup> H. Schliemann. — Ithaka, Peloponnes und Troja. Lpz. 1869, стр. 124 и слл. (есть параллельное французское издание того же года).

<sup>2</sup> Дело в том, что в Илиаде говорится о двух источниках, из которых один горячий, а другой холодный.

<sup>3</sup> I.-G. von Hahn. — Die Ausgrabungen auf der homerischen Pergamos. Lpz. 1864.

рабочих, которые должны были в ста различных пунктах городища между источниками и обрывом холма рыть в земле глубокие отверстия. Но везде я нашел только чистый материк и на небольшой глубине натолкнулся на природную скалу. Только в южной части холма я обнаружил остатки очень маленького укрепленного места, которое я вместе с Ф. Кальвертом считаю развалинами городка Геггис<sup>1</sup>, в котором, по свидетельству Ксенофонта<sup>1</sup>, царица Мания сохраняла свои сокровища. Встретились стены типа так называемых „циклопических“, при чем присутствовавший проф. Вирхов доказал, что обработка стены позднейшего времени (по отеске камней).

Выводы из всего этого таковы: Бунарбаши ни в каком случае нельзя считать за место древней Трои. После такого вывода, с которым не мог не согласиться и такой рьяный защитник Бунарбаши, как Ф. Кальверт, решено было все внимание обратить на Гиссарлык, т.е. место, на котором, по преданию, когда-то находился Новый Илион римского времени. Шлиман занялся ознакомлением с древними свидетельствами и с трудами историков и географов (см. выше). Одновременно он посетил холм Гиссарлык и с тех пор твердо уверился, что именно на холме Гиссарлык и должна была находиться древняя Троя.

У подножья Гиссарлыка Шлиман нашел источники с питьевой водой. Сам холм представлял собою отрог длинной горной цепи; вершина холма очень удобна для поселения и доминирует над всей долиной реки; видно море, усеянное островами, видна (на юг) гора Ида, с которой, по словам Илиады, Зевс наблюдал за битвой троянцев и ахейян. Все топографические особенности, которые можно было извлечь из текста Илиады, вполне объяснились при предположении, что Гиссарлык—место Трои; тем более, что без раскопок Шлиман убедился, что на вершине холма виднеются остатки города, обнесенного мощной каменной стеной (впоследствии это оказались остатки стен римского города, так называемый 9-ый слой по классификации В. Дерпфельда<sup>2</sup>).

Сделав этот вывод, Шлиман окончательно убеждается, что можно приступить к археологическим разведкам Гиссарлыка, но предварительно публикует все доводы за и против Бунарбаши и Гиссарлыка вместе с другими своими исследованиями в упоминавшейся выше книге „Ithaka, der Peloponnes und Troja“ (Lpz. 1869). Следующий этап—начало систематических раскопок, производившихся им, правда, с перерывами, вплоть до его преждевременной смерти в 1892 г.

Подводя итог, необходимо сказать, что решающим моментом в отыскании Шлиманом истинной Трои было осознание полного сходства в топографии троянской долины и самой Трои по поэмам Гомера с таковыми на Гиссарлыке и в его окрестностях. Т.е. в основу взята опять-таки непреложность свидетельства Гомера, что в науке до сих пор является чрезвычайно спорным вопросом. В этой вере в Гомера, по словам проф. Вирхова<sup>3</sup>, и заключалась и слабость и сила деятельности Шлимана. С одной стороны, не выдерживает научной критики его „слепая“ вера в показания Илиады и Одиссеи, с другой стороны, эта стойкая вера, граничащая с убеждением, именно и создавала стимул той поразительной энергии, которая никогда не покидала этого необыкновенного человека. Как бы то ни было, мы констатируем, что, руководствуясь этими данными, Шлиман нашел то, что он страстно искал в течение всей своей жизни.

<sup>1</sup> Xenoph. — Hell. III, 15: Ταῦτα δὲ ποιήσας (Μαϊδίας) Σκῆψιν καὶ Γεργίθια ἑγγυρὰς πόλεις κατέσχευεν, ἐνθα καὶ τὰ χρήματα μάλιστα ἦν τῇ Μανίᾳ.

<sup>2</sup> См. W. Dörpfeld. — Troja und Ilion 1—2.

<sup>3</sup> Schliemann. — Ilios, Введение (Lpz. 1881).

## ГОРОДИЩЕ ТАМАНИ

### ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ

Предварительные разыскания и ознакомление с их методами имеют особенно важное значение для юга СССР с его богатым историческим прошлым.

Как известно, начиная с середины VII века до н. эры, под влиянием социальных и политико-экономических причин, древние греки основывают ряд колоний на северном побережье Черного моря. Особенно крупную роль играли основанная ими Ольвия на Буге, при слиянии этой реки с Днестром, Херсонес, основанный немного позже и находящийся в окрестностях Севастополя, и, наконец, Пантикапей, на месте Керчи, очень скоро превратившийся в центр огромного Боспорского полуварварского царства, раскинувшегося по обоим берегам Керченского пролива—древнего Боспора Киммерийского. Большинство этих колоний совершенно не исследованы и только часть, как, например, Херсонес и Ольвия, частично исследованы раскопками. Особенно приходится сожалеть относительно чрезвычайно интересной и своеобразной культуры древнего Боспорского царства, что она еще не выявлена исследованиями с желательной полнотой.

Азиатская часть Боспорской державы, занимавшая нынешний Таманский полуостров, а в лучшую эпоху—простиравшаяся до Кавказских гор, также имела свой политический центр—город Фанагорию, служивший, согласно свидетельству Страбона<sup>1</sup>, и торговым пунктом для варваров, живших вокруг Меотиды, т.е. нынешнего Азовского моря. Археологические разыскания на Таманском полуострове, которые были направлены почти исключительно на добывание ценностей из недр бесчисленных боспорских курганов, открыли также большое число городищ. Таким образом, путем предварительных исследований и анализа свидетельств древних писателей, может быть точно локализована древняя Фанагория—на берегу Таманского залива в районе станции Сенной, на месте хутора Семеняки, а также многие другие города.

Нас сейчас будет интересовать городище, на котором стоит нынешняя Таманская станица.

Вся станица стоит на чрезвычайно мощном культурном слое. Пространство, им занимаемое, огромно: хотя точных размеров городища еще никто не установил, но приблизительные могут быть даны—около 1½ версты по берегу Таманского залива и около 2 верст в глубину<sup>2</sup>. Таманское городище представляет насыпь, образовавшуюся в течение тысячелетий из различных культурных остатков: архитектурных и иных обломков из камня, черепков битой посуды, стекла и прочей домашней утвари, остатков фундаментов и стен древних жилищ, кусков штукатурки, мраморной облицовки, далее остатков раковин—пищевые отбросы и многочисленные черные прослойки—следы сгоревшего дерева, отголоски бывших здесь некогда пожаров... Все это пересыпано золой, прослойками различных пород земли и глины. Кое-где в насыпи, подмытой морскими волнами, которые год за годом уничтожают это городище, виднеются в разрезе древние колодцы, пашенные ямы, почти всегда внутри оштукатуренные, и прочие культурные остатки. Иногда, кроме того, в верхних слоях городища обнажаются древние гробницы. Местные жители после северных ветров, гонящих морские волны на

<sup>1</sup> См. нижеприводимый текст Страбона.

<sup>2</sup> См. В. В. Соколов.—Карта древних поселений и могильников в районе стан. Таманской—Известия Таврич. Ученой Архивной Комиссии, № 56. См. Герц К.—Археолог. топография Таманского полуострова—Собр. сочинений, т. I, изд. 2-ое. Спб. 1898. Minns.—Scythians and Greeks Cambr. 1913. Карта к стр. 21.

городище, выходят на своеобразный промысел: ищут в ясной мелкой воде монеты и мелкие вещи.

Размеры городища, толщина его культурного слоя, доходящая до 5 саженей, и насыщенность его памятниками древности, как то показывают многочисленные случайные находки, красноречиво говорят о том, что мы имеем дело с остатками какого-то большого торгового города Боспорской державы. О том же свидетельствуют многочисленные погребальные курганы в окрестностях Тамани, давшие нам богатейшие памятники древнегреческого и римского искусства и быта.

Как же назывался этот город, нельзя ли это городище отождествить с теми названиями процветавших здесь крупных торговых центров, о которых говорят нам древние писатели?

Таманский полуостров состоит в настоящий момент из двух полуостровов, разделенных надвое Таманским заливом. Знакомясь с береговыми очертаниями и наблюдая работу моря за последние сто лет<sup>1</sup>, необходимо признать, что береговые очертания Таманского полуострова в древности были несколько иные, чем теперь. Наблюдается в некоторых местах систематическое разрушение берега вследствие подмывания, в других наблюдается отступление моря; кроме того, работа моря заключается еще в образовании песчаных кос и отмелей, благодаря которым многие заливы превратились в закрытые внутренние озера, имеющие узкую косу — перегородку от моря (Бугаз и Ахтанизовский залив).

Если мы взглянем на карту современного Таманского полуострова, мы заметим ряд совершенно закрытых внутренних пресноводных „лиманов“, которые некогда были только устьями вливающейся в море реки. Особенно наше внимание должно быть сосредоточено на Шимарданской бухте к западу от станции Сенной. Дело в том, что весь рельеф этой местности крайне своеобразен и говорит о существовавшем здесь когда-то русле реки. „От северо-западной оконечности Ахтанизовского лимана до Таманской бухты нынешняя поверхность земли представляет продолговатое углубление, низменность, которая характеризуется даже особою растительностью, свойственною одним руслам рек. Протяжение этой низменности от Шимарданской бухты до лимана равняется 6 верстам. Почти половину всего этого пространства, а именно, южную, занимает большое озеро, являющееся естественным продолжением Ахтанизовского лимана и соединяющееся с ним узенькою рекою“<sup>2</sup>.

Ученый Дюбуа, путешествовавший в этих местах в начале XIX века, впервые высказал мысль, что в этом месте находилось ныне высохшее главное русло древней реки Антикита-Гипаниса, упоминаемого Страбоном.

Более того, Дюбуа говорит, что „не более ста лет до него суда проезжали по этому пути“<sup>3</sup>. Еще донныне свидетельством этого служат болота, стоячие воды и небольшая Шимарданская бухта, врезающаяся в низменность“.

Таким образом, в древности эта страна была многоостровием, при чем резко выделялись два острова: их древние географы и называют, один — островом Фанагора с городом его имени, и другой — Гермонасовым островом с городом этого же имени<sup>4</sup>. Целый ряд древних

<sup>1</sup> Для сравнения имеются карты, приложенные к Voyage autour du Caucase — Dubois de Montpereux, карты съемки 1854 г. и карта К. Герца 1870 г., а также современные.

<sup>2</sup> Герц. — Археол. топография Таманск. полуостр., 2 изд. Собр. сочин., вып. 1. Спб. 1898, стр. 26.

<sup>3</sup> Dubois de Montpereux. — Voyage autour du Caucase, V, 79 — 80.

<sup>4</sup> „К Таврике прилегают два острова: Фанагора и Гермонасса“ — Стефан Визант. под сл. „Таврика“. Scythica et Caucasica I, 266.

авторов представляют эту местность в виде острова или группы островов. Географически это возможно и понятно при наличии впадения в нынешний Таманский залив реки, вернее, одного из рукавов Кубани.

Покойный директор отделения древностей Эрмитажа Ф. Жиль на месте проверил предположение Дюбуа. Осмотрев местность от озера, лежащего на северо-запад от Ахтанизовского лимана, он удостоверился, что до самой Шимарданской бухты степь пересекает весьма заметное и на простой глаз углубление. С высоты степи обращаясь к югу, он увидел в направлении от озера к бухте плоский пояс с темным оттенком, отделяющимся от зелени степи, а на всем протяжении пояса — огромное множество кустов осоки. Этот плоский пояс, по мнению Ф. Жилья, был образован руслом прежнего рукава реки Кубани<sup>1</sup>.

В. Г. Тизенгаузен к этим доказательствам прибавляет еще одно: „На всей вышеупомянутой полосе не встречается ни одного кургана, тогда как по обе ее стороны, т.-е. на обоих берегах древнего русла, курганы воздвигались во множестве. Ясно, что протекавшая здесь некогда река не позволяла насыпать в этом месте курганы“<sup>2</sup>.

Это мнение разделял академик Абих. В своем труде „*Einleitende Grundzüge zur Geologie der Halbinseln Kertsch und Taman*“. St. Petersburg. 1865, стр. 71, он определенно высказывает мысль, что „по этой низменности во времена Страбона протекал рукав Антикита, которого существование нынешний Киммерийский полуостров превращало в остров“.

Теперь обратимся к свидетельству древнего Страбона. Географ говорит о местности Таманского полуострова, направляясь от северо-западного угла его и идя на юго-запад и на юг<sup>3</sup>.

„(От Киммерика) 20 стадий до Ахилловой деревни, в которой есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Меотиды, шириною около 20 стадий или несколько более. На противоположном берегу находятся селения Мирмикий (вблизи Гераклия) и Парфений<sup>4</sup>“.

„7. Отсюда 90 стадий до памятника Сатира; это — насыпанный на мысе курган одного из царей, славно господствовавших на Боспоре. 8. Недалеко отсюда деревня Патраей, от которой 130 стадий до деревни Корокондамы; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора. Так называется пролив при устье Меотиды, от узкого места у Ахиллова селения и Мирмикия тянувшийся до Корокондамы и лежащей против нее, в Пантикапейской земле, деревеньки, по имени Акры, отделенной 70 стадиями водного пути. Доселе доходит и лед, так как в морозы Меотида сковывается льдом до того, что по ней ходят пешком. Весь этот пролив имеет прекрасные гавани. 9. Выше Корокондамы лежит довольно большой лиман, который по ее имени называют Корокондамитским; в 10 стадиях от деревни он соединяется с морем. В лиман впадает один рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою. Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно реке, соседней с Борисфеном. 10. Вступившему в Корокондамитский лиман представляется значительный город Фанагория, затем Кепы (Сады), Гермонасса и Апатурон, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для врывающегося (в лиман), а прочие города — по правую, за Гипанисом, в Синдике. В Синдике же,

<sup>1</sup> Герц. — Археол. топография Таманского полуострова, 2 изд. 1898, стр. 27.

<sup>2</sup> К. Герц. — Археол. топография Таманского полуострова, стр. 27—28.

<sup>3</sup> Страбон XI, 2, § 2—10 в Scyth.—Cauc. I, 132.

<sup>4</sup> Поздне-греческ. стадий = около  $\frac{1}{3}$  версты. Ахиллову деревню Парфений следует искать в окрестностях Еникальского маяка, а Мирмикион — на месте Нового Карантина, в 4 в. к сев.-востоку от Керчи.

недалеко от моря, лежит и Горгиппия, столица синдов, и Аборака. Все, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицею европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо и так называется этот город); и торговым пунктом (для товаров), привозимых из Меотиды и лежащей за нею варварской страны, служат, как кажется, Фанагории, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры... Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток“.

Это место Страбоновой „Географии“ (Кн. XI, гл. II, §§ 2—10) вызвало вокруг себя целую литературу и, действительно, является исходной точкой для исследования.

До сих пор обычно городище Тамани считалось за развалины деревни Корокондамы. Это мнение впервые высказал Дюбуа, а за ним Ф. Брунн<sup>1</sup>. Оно зиждилось, главным образом, на созвучии географической номенклатуры: Корокондама — Тьмутаракань — Тамань. Взглянем на карту, вспомним свидетельства древних и посмотрим, справедливо ли Корокондаму помещать на месте нынешней Тамани? Во-первых, велик ли был этот поселок? Повидимому, нет, так как древние географы<sup>2</sup> называют его не городом, а упорно и единогласно называют деревней и даже деревенькой. А Таманское городище, это мы скажем на основании неоднократного самоличного исследования, по своей мощности может быть сравнимо только с городищем на хуторе б. Семеняки возле станции Сенной. Это — первая невозможность считать Таманское городище за руины деревни. Далее поможет нам разобраться приведенное место Страбона: в нем Корокондама считается пределом Керченского пролива, чего абсолютно нельзя сказать о Тамани. Тот же Страбон дает иное, пожалуй, более прочное указание: до Корокондамы доходит лед в замерзающем на зиму проливе. Как известно, лед доходит до Тузлинского кордона. Наконец, не подходит к местоположению Тамани и указание Страбона, что „за Корокондамой морской путь идет на восток“. Есть, кроме того, свидетельство Анонима, что „за Синдскою гаванью следует деревня Корокондама, лежащая на перешейке или узкой косе между лиманом и морем“ (Латышев I, 279).

Все эти данные заставляют искать Корокондаму где-то в ином месте. Проф. И. Забелин на карте, приложенной к его статье об интересующих нас городах<sup>3</sup>, Корокондаму помещает на юго-восток от Тамани, на месте нынешнего Бугаза, где, действительно, имеется небольшое городище и кладбище<sup>4</sup>.

Но нельзя согласиться и с этой локализацией древней Корокондамы, ибо, во-первых, нельзя Бугаз считать пределом Керченского пролива, во-вторых, указание на замерзаемость до Корокондамы не будет соответствовать действительности, а это указание чрезвычайно важное и ценное. Наконец, расчеты по стадиям от Киммерика, даваемые Страбоном, не будут, хотя бы приблизительно, соответствовать действительности. А именно: от Киммерика 20 стадий до Ахилловой деревни, отстоящей от Порфмия в пределах Еникальского маяка, где нами найдено городище, на 20 стадий; это указание дает право назвать Киммериком городище, констатированное К. Герцем к северу от хутора Косенко (см. карту к „Археолог. топографии Там. пол.“), а Ахиллион помещать или на косе, севернее того места, где К. Герц упоминает загадочные колонны под водой, или на берегу, немного южнее

<sup>1</sup> Dubois de Montpereux. Voyage... V, 81; Брунн в „Записках Одесск. О-ва Ист. и Древн.“ VII, 252.

<sup>2</sup> Strabo, упом. место, Перипл Безыменного, 64 (23).

<sup>3</sup> Труды III археол. съезда, т. II и атлас. Киев, 1878.

<sup>4</sup> См. В. Соколов. — Археолог. карта... окрестн. Тамани.

Киммерика, где, по Герцу, имеется городище. Местоположение этой деревни трудно установить точно, в виду изменения береговой линии. Если от последнего городища, которое у Герца обозначено уже наполовину снесенным в море, отсчитать 90 стадий, то ножка циркуля станет поблизости, немного южнее обозначенного на карте К. Герца „места, где гробницы с крестами“ (около хутора Артиюхова). Вследствие этого, на основании слов Страбона, что отсюда недалеко до Патраея, можно за последний признать городище, помеченное на той же карте на месте хутора Рубана. Отсюда, если считать морем 130 стадий, мы попадем как раз на место, где ныне находится Тузла, вернее, размываемый морем богатый и интересный тузлинский некрополь, подаривший нам многочисленные чернофигурные вазы и великолепные чернолаковые аттические килики.

Городище здесь, несомненно, было, но ныне почти целиком снесено в море, которое неуклонно, медленно и беспощадно подмывает высокий обрывистый берег. И так, путем вычислений и свидетельств Страбона, необходимо отвергнуть все ранее приводимые локализации Корокондамы и следует помещать ее в районе Тузлы. Если мы это примем, нам станут понятными слова Страбона, что в 10 стадиях начинается Корокондамский залив, ибо, пройдя Тузлинскую косу, попадаем в него, и что морской путь за этой деревней идет на восток, что совпадает с действительностью; что замерзание льда доходит до этого пункта, как говорили раньше. Требуется некоторого объяснения выражение „здесь предел Керченского пролива“. Дело в том, что в античную эпоху нынешние Чурубашское и Тобечикское озера представляли собою обширные морские заливы, аллювиальной работой моря в течение столетий превращенные в замкнутые водные бассейны. Если мы представим карту Керченского пролива с этими двумя огромными заливами, тогда пределом Керченского пролива, действительно, следует признать Корокондаму—Тузлу.

Наконец, важным доказательством служат слова Страбона, что по прямому водному пути через пролив на расстоянии 70 стадий, т. е. 14 верст, лежит деревня Акра. Как известно, городище древней Китеи лежит несколько к юго-востоку от Кез-аула („Керменчик“), что документально и неоспоримо доказывается находкой здесь надписи, в которой упоминается „отчизна китейцев“ (см. Изв. Р. А. И. М. К., т. II, 65 и сл., особ. 84—92 (Латышев-Никитский)).

Согласно свидетельству Плиния<sup>1</sup>, за Китеей следуют Зефирий и Акра. Если Зефирий можно поместить на месте нынешней дачи Б. А. Бока, которая вся стоит на городище (а иных городищ от Керменчика нет), то следующее городище расположено на возвышенном северном берегу нынешнего озера Тобечик, который примыкает к проливу. Это местоположение объясняет, отчасти, название деревни Акрой, т. е. Острой. Отсюда до Тузлы теперь свыше 15 в., но если принять во внимание, что берег разрушен по крайней мере на глубину 2 верст внутрь полуострова, то расстояние и здесь совпадает почти точно.

Имеющееся свидетельство Перипла Безыменного, что „Корокондама лежит на перешейке или узкой полосе между лиманом и морем“, несколько не противоречит, а скорее, наоборот, подтверждает вышеприведенную локализацию Корокондамы вблизи Южной или Тузлинской косы<sup>2</sup>.

Исходя от Корокондамы, попытаемся назвать городище Тамани. Это искание древних названий для археологии чрезвычайно важно, так

<sup>1</sup> Плиний. — Hist. Natur. IV, 86.

<sup>2</sup> Здесь же помещает ее и Minns — Scythians and Greeks, карта к стр. 21. (Cambr. 1913).

как установление и точная локализация большинства древних колоний даст иное направление археологической исследовательской работе на местах и вскрыет более точную картину древнего заселения края.

Таким образом, мы выяснили, что Таманское городище не есть Корокондама, а представляет следы какого-то большого города, а не деревни. На всем пространстве Таманского полуострова имеются только два больших городища, несомненно, принадлежавших большим, цветущим городам. Мы знаем со слов древних писателей, а отчасти и благодаря древним надписям, что в азиатской части Боспорского царства было несколько крупных городов, а именно, столица азиатской половины царства Фанагория или Фанагории и Фанагорий (лыбопытно множественное число!), затем столица синдских царей — Горгиппия и, наконец, Гермонасса, что в переводе означает остров Гермеса, или Гермона<sup>1</sup>. Археологи со времен Дюбуа, за редким, впрочем, исключением<sup>2</sup>, помещают Фанагорию в окрестностях станции Сенной. Куторга, написавший рецензию на книгу К. Герца „Археологическая топография Таманского полуострова“, помещает Фанагорию и Кепы на северном берегу Таманского залива, полагая, что только такая локализация совпадает со словами Страбона, которые мы привели выше. Между тем, если мы примем, что в древности Таманский (Корокондамский) залив был не заливом, а лиманом (кстати сказать: древний географ тогда назвал бы его „заливом“ — *κόλπος*, а не лиманом — *λίμνη*, как стоит в тексте), т. е., что нынешняя Шимарданская бухта была устьем реки Кубани, тогда и городище близ станции Сенной, нынешний хутор Семеняки, будет левым берегом, вернее, будет по левую руку едущему на корабле по лиману и реке. И так, последнее возражение, насколько известно, единственное против помещения Фанагории близ ст. Сенной, падает. Но если Фанагория находит свое место, то каково древнее название Таманскому городищу? Остаются, согласно свидетельству Страбона, Гермонасса и Апатурон, которые, по его словам, лежат по правую руку при вплытии в Корокондамский лиман — „*πέραν Ἰπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ*“ — „за Гипанисом, в Синдике“. При наличии впадения в нынешний Таманский залив рукава Кубани (в нынешнюю Шимарданскую бухту), выражение Страбона „за Гипанисом, в Синдике“ при локализации, в то же время, на берегу Корокондамского-Таманского залива, становится непонятным. Если за Синдикой, то, значит не на берегу Корокондамского лимана... А так как выше говорилось об этих городках, как о находящихся по правую руку врывающему в лиман, — то отпадает их локализация „за Гипанисом, в Синдике“.

Если взять последнюю поправку, то Таманское городище можно назвать или Гермонассой или Апатуром. И, действительно, некоторые исследователи, как, например, вдумчивый и добросовестный составитель археологической карты, сам житель Тамани, В. В. Соколов и помещают Гермонассу на месте Тамани, ссылаясь на приводимое нами свидетельство Страбона<sup>3</sup>. Древние авторы считают Гермонассу „городом“, в отличие от „селения“, „деревни“, „деревеньки“, как они называют многие населенные пункты Боспора. Более того, компилятор V в. по р. Х. Стефан Византийский в своем „Словаре“ прямо называет Гермонассу „прекрасно построенным городом“. То же мы встречаем у Дионисия в его стихотворном „Землеописании“<sup>4</sup>. Многие писатели нам дают

<sup>1</sup> Евстафий. Комм. к Дионисию, 549; Scyth. — Cauc. I, 198.

<sup>2</sup> М. Куторга. — „О Таманском полуострове“. Москва, 1871, стр. 21, помещает Фанагорию на северном берегу Таманского залива, а на месте ст. Сенной — Гермонассу или Апатур.

<sup>3</sup> Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком. № 56.

<sup>4</sup> Стр. 549 и слл. Латышев, Scyth. et Cauc. I, 180.

и локализацию Гермонассы. Вышеупомянутый Дионисий (*ibid.*) помещает ее „на острове внутри Меотиды, где Фанагория“. Псевдо-Скимн<sup>1</sup> помещает ее „на острове по Меотиде“, и вместе упоминает Гермонассу, Фанагорию и Синдскую гавань. Плиний (NH VI, 18) упоминает Гермонассу, как первый город, лежащий при входе в Боспор, затем (интересна последовательность) Кепы, Стратоклея и Фанагория, почти опустелый Апатур. Перипл Безыменного<sup>2</sup> дает нам локализацию с цифрами в руках. „Если въехать в Корокондамитский залив и плыть вокруг берега в город Гермонассу, то будет 440 стадий  $58\frac{2}{3}$  мили“. И, действительно, такое количество стадий получится при обмере Таманского залива, начиная от северной косы до Тамани. Тот же Перипл далее говорит (§ 66): „От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 ст.  $68\frac{2}{3}$  мили“. И если произвести обмер окружности Таманского залива от Тамани до оконечности северной косы с наружной стороны (т.-е. до устья Меотиды—Азовского моря), то мы опять-таки получим приблизительно искомое число стадий.

Эти совпадения случайными быть не могут. Несомненно, в основе имеется чуть уловимое „зерно истины“, которое необходимо раскрыть. К. Герц, занимавшийся этим же вопросом на страницах своего тщательного и добросовестного труда „Археологическая топография Таманского полуострова“ (Полное собр. сочинений, изд. Акад. Наук. Лрб. 1898, вып. 1), пришел к пессимистическим выводам: „Некоторые читатели, говорит К. Герц<sup>3</sup>, может быть, найдут странным, что нынешние местности Таманского полуострова нигде не отождествляются с древнегреческими поселениями, существовавшими тут, по словам Страбона и других классических писателей. Но при внимательном чтении... читатель убедится, что каждая попытка этого рода до настоящей минуты преждевременна. Древние географы передали нам только имена существовавших здесь поселений, так сказать, один звук. Боспор Киммерийский не имеет своего Павсания. Поэтому разногласие всех новейших ученых... несколько не удивительно. Пока точные археологические исследования, основанные на находке надписей или других памятников, не прольют нового света на подобного рода вопросы,—до тех пор занятие ими будет принадлежать к области приятных, но тем не менее чистых комбинаций, отнюдь не основанных на действительных фактах“. Рецензент Герца проф. М. Куторга иначе посмотрел на дело<sup>4</sup>. По его мнению, задача может быть решена, если к ней подойти иначе: опереться на свидетельства Страбона и Птолемея, основательно подвергнуть научной критике эти свидетельства, принять во внимание остальных писателей древности—и тогда обратиться к раскопочным данным—и дело будет решено. Но, увы, дело оказывается не так просто.

При анализе и сопоставлении всех необходимых солидных свидетельств мы наталкиваемся на огромное число противоречий, хотя бы у самого Страбона. В одном месте он говорит о переправе из окрестностей Пантикапея в Фанагорию, как ближайший пункт, отстоящий на 70 стадий, в другом, приведенном выше, он не считает, видимо, Фанагорию лежащей близко к выходу... Исходя из того положения, что все писатели на Таманском полуострове знают только два „достойных упоминания“ значительных города (*ἀξιόλογος*—Страбоновская хрестоматия), и что в настоящем мы имеем только два значительные городища—одно на хуторе Семеняки около ст. Сенной и другое—на месте Тамани, мы можем сделать вывод: если городище близ Сенной может быть

<sup>1</sup> Стр. 886 Латышев. *Scyth. et Cauc.* I, 90.

<sup>2</sup> §§ 54 и 66. Латышев *ibid.* I, 280.

<sup>3</sup> Стр. 2 (Введение).

<sup>4</sup> М. Куторга.—О Таманском полуострове. М. 1871.

отожествлено с Фанагорией, как лежащее „по левую руку при вплытии в лиман“, при наличии рукава Кубани в нынешней Шимарданской бухте, то другое городище—Таманское—может быть названо руинами Гермонассы, другого значительного города, о размерах которого свидетельствуют размеры городища. Подтверждением этого могут служить те обмеры, которые нам дает Перипл Безыменного. Но не надо скрывать и все те противоречия, которые сейчас же встают. Во-первых, мы не можем поручиться, что имеются на полуострове остатки других больших городищ, или что они смыты были морем, действие которого во многих местах полуострова проявляется крайне разрушительно. Далее, целый ряд свидетельств не дает устойчивости этой локализации Гермонассы на месте Тамани: во-первых, слова Птолемея, который помещает Гермонассу просто на Черном море, во-вторых, глухая неопределенность у Псевдо-Скимна, помещающего Гермонассу „на острове, занимающем большое пространство земли по Меотиде вплоть до Боспора“... Не будем закрывать глаза на эти неопределенности и не будем считать высказанное нами предположение за окончательное. Для предварительных, но точно установленных данных, очевидно, необходимо дополнительное на месте исследование берегов и городищ на них— прежде всего берегов Таманского залива, особенно северной его части, чтобы окончательно опровергнуть мнение Куторги, помещавшего здесь Фанагорию. Далее, исследование берега близ Бугаза, где обычно помещают Гермонассу. Необходимо указать еще на один существенный признак существования здесь большого города: богатство окружающих кладбищ. В этом отношении приоритет остается за городищем близ Сенной и за городищем на месте Тамани; ибо они окружены бесчисленными и богатейшими курганами, не раз дарившими нас драгоценными сокровищами прошлой культурной жизни; и это обстоятельство является решающим...

## МЕТОДЫ РАСКОПНОГО ПРОЦЕССА

## ОЛИМПИА

При обзоре методов предварительных разысканий мы обратили внимание на обстоятельную научную подготовку раскопок в Олимпии.

Мы видели, что много раз делались попытки ее раскопать<sup>1</sup>, пока, наконец, в 1874 году не был подписан договор между Грецией и Германией, в котором Германия проявила достойное похвалы бескорыстие: все найденные памятники должны были остаться в Греции<sup>2</sup>.

Во главе раскопок стала дирекция из трех лиц: Э. Курциуса, который был душой дела, Ф. Адлера и Буша. 2 сентября 1875 г., в день рождения Курциуса, комиссары дирекции — Гиршфельд и Беттихер отплыли из Триеста в Элладу. С прибывшим на место раскопок комиссаром греческого правительства Антониади были установлены границы раскопок. С запада была намечена естественная граница — речка Кладей, с севера — холм Кроноса, с востока и юга — Алфей, всего около 1000 кв. метров.

Ближайшие задачи исследования Олимпии были сформулированы Э. Курциусом так<sup>3</sup>: 1) Освободить от мусора храм Зевса и его окрестности и раскопать до 20—24 м. шириной места, прилегающие к восточной и западной стенам храма, с тем расчетом, чтобы напасть на следы фронтонных скульптур. 2) Исследовать храм Геры, храм матери богов и сооружения на террасе холма Кроноса. Наоборот, в планы археологов не входило полное исследование стадиона, гипподрома и гимназии, так как здесь они не надеялись встретить памятники античного искусства (вне стен священного округа). В третью группу было отнесено поверхностное исследование зданий и мест Олимпии, не входивших в Альтис. Это последнее обстоятельство обращает на себя внимание, так как здесь мы встречаем следы кладоискательской ненаучной психологии. Будет уместно с особенным ударением подчеркнуть эту ошибку в методе. Кладоискательство испортило результаты очень многих и важных археологических кампаний. Особенно это можно сказать о древностях юга СССР, где чиновники-исследователи стремились добыть возможно большее число драгоценных музейных предметов и в стремлении к этому не останавливались перед хищническими способами раскопки, не соблюдая при этом первейших требований археологической практики.

И так, следы этой вредной кладоискательской психологии мы можем констатировать и у исследователей Олимпии. Затем, далее, есть еще один грех: и Курциус и Беттихер жили в эпоху романтического увлечения классической Элладой лучшего времени ее процветания. Во всех записках и отчетах Курциуса с энтузиазмом говорится об Олимпии, как о центре духовной жизни классического периода. И эта предвзятость

<sup>1</sup> В 1853 г. было решено раскопать Олимпию в три месяца (sic!) при 50 рабочих, но война 1854—55 гг. помешала. Шлиман просил позволения раскопать, но ему было отказано, чем маститый археолог был очень обижен.

<sup>2</sup> Article VI: „La Grèce aura la propriété de tous les produits de l'art antique et de tout autre objet, dont les fouilles amèneront la découverte“.

<sup>3</sup> Ср. выше в главе о „Методе предварит. разысканий в Олимпии — „Записка“ Э. Курциуса (Denkschrift).

руководящих идей сделала свое дело: искали Олимпию классического периода и на все остальное закрывали глаза. Много позже после раскопок один из участников раскопочной кампании, известный архитектор В. Дерпфельд, в статье „Олимпия в доисторическое время“<sup>1</sup> признается в том, что исследователи 1875—81 гг. были удивительно слепы ко всему тому, что не классично. Правда, эта субъективность подхода к памятникам классической археологии не мешала довольно точному протоколированию всех предметов находок, но все-таки раскопки не дали равномерно разработанной истории Олимпии за все время ее существования. Ведь, то была пора слепого, чисто романтического увлечения Элладой, дальние отголоски Sturm und Drangperiode<sup>2</sup>; ведь, недаром Э. Курциус был любимым учеником молодого и талантливого классика-романтика К. О. Мюллера, так трагически погибшего на руках ученика в любимой Элладе... Не будем осуждать людей этого поколения, исполненных религиозного благоговения к памятникам древней Греции, но будем стараться не повторять их ошибок, проистекающих от субъективного подхода к исследуемому материалу. Да будут изгнаны из археологической работы кладоискательство и предвзятость руководящих идей!

И так, после приезда на место ответственных руководителей, после постройки на сев.-зап. склоне холма Кроноса казармы для рабочих и охраны и кузницы, 4 октября 1875 года в 7<sup>1/2</sup> часов утра впервые заступил заступ в тихой долине Алфея. Процесс расчистки от земли такой огромной площади (1000 кв. метров) было решено вести путем зондирующих разведочных траншей, доходящих до слоя находок и имеющих различную ширину. Направление траншей подчинялось, равно как и весь раскопочный процесс, определенной схеме раскопок, начертанной Э. Курциусом (см. выше): „Начинать исследование Олимпии надо с храма Зевса; от храма по радиусам идти с зондирующими траншеями по всем важным направлениям, так, например, к холму Кроноса, чтобы открыть субструкции древних сокровищниц, к большому алтарю и к храму Геры, развалины которого должны быть невдалеке, к стенам, к воротам гимназии и т. д.“. И так, раскопку Олимпии начали с прокладывания исследовательской траншеи, которую начали там, где Алфей подходит своими отвесными берегами (с юга) на 125 м. к Альтису.

Глубокая траншея, поведенная с юга на север, имела своей целью напасть на юго-западный угол храма Зевса—первый центральный объект исследования немцев. При наличии 4 ответственных надсмотрщиков работало от 66—80 и до 120 (к ноябрю) человек рабочих. В связи с ростом числа рабочих (было трудно доставать хороших землекопов) было решено вести поперечные траншеи для ускорения исследования, и параллельную первой траншее, отступя немного к востоку, с расчетом напасть на юго-восточный угол храма. Уже в конце первой недели раскопок в первой западной траншее были обнаружены следы квадратных фундаментов, как потом выяснилось, южного портика и наткнулись на укрепительную стену около террасы храма. Это была опорная стена вдоль древнего русла реки Кладея, который сильно изменил свое течение с тех пор. Подходя обеими траншеями к храму, имели задачей установление ясной картины сохранности развалин храма, а отсюда начались и поиски фронтовых скульптур. В середине декабря начали третью зондирующую траншею по направлению от северо-восточного угла храма на север, к подошве холма Кроноса, к открытой предприимчивыми греками бакалейной лавочке.

<sup>1</sup> W. Dörpfeld.—Olympia in prähistor. Zeit в „Athenische Mittheilungen“ XXXIII (1908).

<sup>2</sup> Эпоха процветания романтической литературы в Германии, эпоха Шиллера и Гете называется „периодом бури и натиска“.

Эта последняя траншея на глубине 2,57 м., считая от подошвы холма Кроноса, натолкнулась на долгожданную террасу с остатками фундаментов сокровищниц. Кроме того, над террасой в верхних слоях насыпи нашли бедную гробницу послеантичного времени. Находки в западной траншее позднейших поделок, как-то: посуды, черепицы и т. д. не оставляли сомнений в том, что априорное мнение исследователей о полной необитаемости Олимпии в послеклассическое время было неверным. На месте Олимпии был ничтожный деревенский поселок эпохи до 476 года по р. Х., покрытый слоем песка и ила до 7 м. толщиной.

Положив конец разведочной работе, исследователи все остальное время первой археологической кампании посвятили раскопке храма Зевса, успев очистить от земли весь его фундамент и незначительную площадь около него. На юго-востоке от фундамента были обнаружены колонны храма, поверженные землетрясением и распавшиеся на свои составные части (барабаны). Интересно отметить, что руины храма покрывал незначительный слой песка в  $\frac{1}{4}$  метра толщиной. Для удобства снятия земли была проведена перемычная траншея, соединившая обе траншеи, которые вели от Алфея к углам храма. Везде глубина залегания античных остатков была порядочная. За 1000 лет запустения Алфеем был нанесен слой песка в 3 метра толщиной! Были произведены и первые важные находки, окрылившие немцев и подавшие надежду на „богатый урожай“. А именно, 15 декабря в 23 м. к востоку от 4 колонны (с востока) была найдена первая фигура из восточного фронтона — коленопреклоненный мужчина. На глубине 3 м. фигура была крепко замурована в позднюю стенку наряду с поросовыми квадратами и длинной балкой эпистиля (из дневника Гиршфельда). Это обстоятельство показало, что и в Олимпии, как почти во всех местах античного мира, имело место позднее хищническое строительство из материалов античного периода. Далее в 29 м. к востоко-юго-востоку от ю.-в. угла храма была найдена *in situ* (на месте первоначальной постановки) треугольная база от памятника Пэония из Менде, представлявшего летящую Нику, богиню Победы, с сохранившеюся надписью<sup>1</sup>.

Параллельно с прочими работами стали расширять и углублять западную траншею, предназначенную для вывоза земли и осушения. При этом часто находимы были небольшие гирьки с надписью „*Διός*“ (Зевса).

Когда траншея по своем расширении достигла юго-западного угла храма Зевса, стали раскапывать западную часть храма с надеждой отыскать долгожданные фронтоны и метопы. С января 1876 г. начали разбирать это западное поле, но безуспешно. Но зато нашли другой, не менее ценный памятник: 21 января в 50 метрах южнее юго-западного угла храма на глубине 4,50 м. рабочие отыгли бронзовую таблицу с декретом элейцев в честь Дамократа Тенедосского, упоминаемым Павсанием (Павс. VI, 17, 1), и хорошо сохранившийся наконечник копья метанийцев<sup>2</sup>.

После этих безуспешных поисков храмовых скульптур решили обследовать окрестности храма; траншея, проведенная на запад, обнаружила мощные квадратные фундаменты, впоследствии оказалось, что это — руины гимназии.

<sup>1</sup> Dittenberger-Purgold.—Inscripfen aus Olympia № 259. Важно, что об этой Нике говорит Павсаний в своем „Описании Эллады“ V, 26, 1. Он верно пересказывает текст надписи и передает те толкования, которые ему рассказывали словоохотливые чичероне, которых было много в Олимпии.

<sup>2</sup> Табл. с декретом — см. Dittenberger-Purgold, Inschriften... № 39; копье метанийцев *ibid.* № 247. Благодаря находке табл. с декретом оказалось возможным локализовать торжественный вход в Альтис и Леонидейон. Они должны были находиться на юго-западе от храма Зевса. См. „Arch. Zeitung“ 1882 (XL), 121 и слл.

Затем провели траншею в восточно-западном направлении в 30 м. к северу от храма Зевса с расчетом связать обе первые траншеи, направленные с юга на разные углы храма, и чтобы обнаружить следы Пелопиона. Траншея определила храм Зевса с севера, но в ней не было сделано никаких открытий, так как траншея не достигала античной почвы. И в этом следует усмотреть ошибку со стороны исследователей. Всякую траншею, которая своей целью имеет исследовать содержание данной местности, необходимо копать до материка, в котором уже не могут быть произведения человеческих рук, иначе легко можно пропустить присутствие в земле ценных памятников. Разительным примером являются раскопки И. Забелина в 1873 г. в Ольвии. Почтенный археолог не нашел крепостных стен города только потому, что провел траншеи недостаточной глубины. Б. Фармаковский нашел впоследствии эти стены, лишь слегка углубив прежние забелинские траншеи, направление которых было взято совершенно правильно.

Чтобы определить границы храма с юга, исследователи провели еще одну большую траншею в востоко-северо-восточном направлении в 70 м. от храма к югу. Очистили место к югу от храма. Открыли позднюю византийскую стену, в которой оказалось много фрагментов скульптурных украшений храма, а именно частей фронтонов. Среди колонн храма был найден клад мелких медных монет эпохи Юстиниана I. Ясно, что в это время храм уже лежал в развалинах, а бедная деревня на его руинах подверглась разграблению.

В 10 м. к югу от юго-восточного угла храма была сделана ценная находка: в стене позднего времени нашли замурованным голубовато-серый мраморный цилиндр с надписью лакедемонян о посвящении медного изображения Зевса, упоминаемой Павсанием (Павс. V, 24, 3; Dittenb.-Purgold № 252).

В конце первой раскопчной кампании, весной 1876 г. счастье улыбнулось археологам: были найдены метопы храма. У юго-вост. угла храма на высоте 2 ступени сначала была найдена метопа с изображением Эврисфея<sup>1</sup>, затем с изображением Атланта, и потом 120 кусков от метоп с изображениями Авгия, Кербера и Диомеда.

На этом закончились успехи первой археологической кампании. 6 мая закончились раскопки, а 23 — инвентаризирование находок. Далее, летом, нельзя было оставаться в Олимпии без риска получить злостную лихорадку. И то к концу кампании выяснились все особенности местного климата: Гиршфельд, Беттихер, надсмотрщик и большое число рабочих оказались больными малярией...

2-й год раскопок привнес много усовершенствований. Дома для ученых сотрудников и для рабочих были перестроены и расширены, вместо отвоза земли на ручных тачках ввели в употребление вывозные тачки на лошадях, числом восемь. Число рабочих при четырех надсмотрщиках колебалось от 35 до 250 человек, в зависимости от местных земледельческих работ.

Очередной задачей второго года было вскрыть храм Зевса и отыскать его скульптуры. И, действительно, вскоре были найдены части западного фронтона. Они все лежали свободно в черном слое византийской эпохи. Кроме того, был пролит свет на послеклассическую Олимпию эпохи параллельного существования западной и восточной римской империи. В это время на развалинах храма возникла деревня, которая нуждалась в крепкой стене, в целях обороны. Храм служил опорой северо-западного угла. В восточной стене были сооружены

<sup>1</sup> На 12 метопах, по 6 с каждой узкой стороны храма, были изображены подвиги Геракла (Павс. V, 10, 9).

две опорных башни. Когда существовало это военное поселение, то дорогих посвящений уже не было. Нику Пэония, метопы и фронтоны храма спасли их высота и неценность материала. Эта вышеупомянутая стена, идя на восток от храма, закрыла базу эретрийского быка, упомянутого Павсанием (V, 27, 9). Любопытно, что правое ухо и задние ноги быка найдены на базе, а правый рог — к северу от нее<sup>1</sup>. Было установлено с несомненностью, что разрушение Олимпии было не только делом землетрясений, которые происходили и происходят в этой местности довольно часто, но и делом человеческих рук, при чем Олимпия подвергалась разграблению<sup>2</sup>. К востоку от храма исследователи обнаружили большое число древних баз от статуй, большинство которых упоминается Павсанием. Среди множества найденных баз назовем: базу афинского бойца Каллия (Павс. VI, 61), часть базы колоссальной статуи Зевса (Павс. V, 24, 4), базу Горгия (Павс. VI, 17, 7), базу Телемаха (Павс. VI, 13, 11) и др.

11 декабря 1876 г. провели исследовательскую траншею на запад, к Кладею, и нашли фундаменты византийской церкви, вернее, как называют это здание немцы — „altchristliche vorjustinianische Bau“ (древнехристианскую доюстиниановскую постройку), которая отстоит от храма Зевса на расстоянии 85 метров. Это здание стоит на фундаментах более древнего, классического периода и, по мнению Адлера, на этом месте была мастерская Фидия. После этого (обращаем внимание на несистематичность поисков!), вместо очищения пространства возле византийской церкви, археологи начали расследовать северную часть Альтиса. После находки знаменитой, описанной Павсанием, группы Микифа к северу от храма Зевса, были проведены три параллельные исследовательские траншеи от храма на север, к подножию холма Кроноса. Одна из этих траншей у подножия холма на глубине всего 1,50 метра натолкнулась на развалины экседры Герода Аттика, специального сооружения для ликвидации в Олимпии водяного голода. Далее, были найдены три поросовые<sup>3</sup> ступени упоминаемой Павсанием террасы холма Кроноса и найдены фундаменты сокровищниц разных греческих государств (от IV до X, по позднему счету экспедиции). Другими траншеями был, наконец, локализован Пелопион и открыт Герейон (храм Геры). В виду того, что в последнем был найден шедевр греческой скульптуры лучшего времени, необходимо подробнее остановиться на раскопке Герейона. Это было в конце апреля 1877 г., т.-е. уже на исходе второй раскопной кампании. „У подножия холма Кроноса, читаем мы в дневнике раскопок, на глубине 0,50 метр. ниже современного уровня, найдены две параллельно идущие стенки, сложенные из античного материала, но позднего времени“. Возникло предположение, что они стоят на античном фундаменте, поэтому решено было исследовать вглубь. При дальнейшем расследовании появился, приблизительно на глубине 2,30 м. темный слой, как будто след пожара, а затем, на глубине 2,75 м. был найден каменный пол. 1 мая у восточного края траншеи перед северной стеной открытого здания обнаружилась мраморная база, и перед ней в слое мягкой глины, лицом вниз, лежала прекрасная мраморная женская статуя в одеянии римского времени<sup>4</sup>. Траншея натолкнулась на перистиль Герейона с южной стороны, там, где недостает двух колонн. В западной траншее найдена

<sup>1</sup> Dittenb.-Purgold № 248.

<sup>2</sup> Летом 1879 г. ощущалось в Олимпии землетрясение пять раз!

<sup>3</sup> Поросом (местное название) называется известняковый камень, достаточно прочный для постройки. Из этого камня построены почти все здания Олимпии, в том числе и храм Зевса.

<sup>4</sup> В Бернике (Jahrbuch d. Arch. Inst. IX, 110) видит в статуе Поппею Сабину.

древнейшая дорическая капитель; долго недоумевали исследователи, что это за здание, когда вдруг одна находка разъяснила все. „Значение всего здания разъяснилось, говорит Гиршфельд в донесении от 10 мая, когда 8 мая утром, после двухдневного праздничного перерыва, стали продолжать раскопку и у западного края траншеи рядом с местом находки мраморной статуи Пoppей Сабины, перед вторым мраморным постаментом, точно так же в лежачем положении лицом вниз, как когда-то упала, лежала мраморная группа Гермеса с мальчиком Дионисом на руках, произведение знаменитого скульптора IV века до р. X. — Пpаксителя“... Группа была найдена как раз там, где ее видел Павсаний, который говорит: „По времени позже и многое другое было пожертвовано в Герейон: мраморный Гермес, несущий младенца Диониса, работы Пpаксителя“ (Павс. V, 17, 3).

Эта статуя, которую теперь всякий может любоваться в местном олимпийском музее, построенном на средства Сингроса, является едва ли не самой ценной находкой всех лет раскопок. Перед нами единственный в истории греческого искусства оригинал знаменитого мастера IV века, который с тех пор послужил отправной точкой новых исследований о Пpаксители<sup>1</sup>.

Стало ясным, что были открыты фундаменты храма Геры. В надежде на новые открытия в целле храма, все силы рабочих были брошены для открытия Герейона. Но, вопреки ожиданий, вся целла оказалась пустой. Только несколько монет македонского и римского императорского времени валялись на каменном полу. От многочисленных памятников, перечисленных Павсанием (V, 17), не сохранилось ничего, кроме базы культовой статуи в западной части целлы. Поражает относительно хорошая сохранность всего храма. *In situ* сохранились колонны перистиля до высоты 3 метров, равно как и стены целлы, кроме верхних частей, которые, как было позже установлено, были сделаны из сырца. После падения крыши дождь размочил сырец, который сплошной массой заполнил внутренность целлы, и благодаря ему Гермес Пpаксителя и Пoppей Сабина так хорошо сохранились: эти статуи упали в мягкую глину и оказались поэтому почти не поврежденными. Но Герейон был обитаем и позже; он был приспособлен к жилью посредством жалких перестроек на скорую руку.

К западу от северной стены Герейона, внутри его перистиля, был найден клад: 16 фунтов медных монет эпохи Юстиниана I и Юстина II (565—578). Это было тяжелое время для тогдашнего населения Олимпии. Его беспокоили нападения готов и вандалов.

На этих раскопках были закончены работы второго года археологической кампании немцев, принесшей науке ценные памятники.

3-ий год (1877—1878) начался 1 октября с 47 рабочими, которых к 22 октября насчитывалось уже 180 человек. Первой задачей было намечено отыскание скульптур западного фронтона храма Зевса. С этой целью раскопки начались с расширения и углубления площади на запад от храма. Кроме того, было решено исследовать юго-восточный угол Олимпии. С этой целью была проведена исследовательская траншея в юго-восточном направлении, которая обнаружила портик „Эхо“ и Октагон (восьмиугольное здание). При расследовании мест вблизи храма был найден<sup>2</sup> целый ряд баз статуй олимпийских победителей, упомянутых Павсанием (VI, 6—7). Эти базы, снабженные датированными надписями, явились очень ценным корректирующим элементом в эпиграфике. Обратившись к северным частям Альтиса, исследователи

<sup>1</sup> Например, Klein, Praxiteles, курсы Овербека, Коллинсона, Клейна...

<sup>2</sup> Все эти базы и другие архитектурные обломки от храма Зевса и Метроона были найдены в разобранной крепостной стене византийского времени.

расчистили все сокровищницы, обнаружили сводчатый потайной вход в стадию для участников и должностных лиц, обнаружили базы статуй „Занов“ — статуй, воздвигнутых на штрафные деньги — именно в том месте, где их упоминает Павсаний. К западу от Занов был найден храм матери богов в очень разрушенном состоянии: сохранились только нижние части фундамента.

Далее, был снова исследован весь Герейон; были добыты ценные данные для датировки храма. Идя на запад, археологи открыли упоминаемый Павсанием (Павс. V, 20, 5) круглый Филиппион, здание-памятник в честь битвы при Херонее, поставленный Филиппом II Македонским. Это здание, замечательное по простоте и строгости плана, характерно для конца классического периода. Сохранился трехступенчатый фундамент с 18 легкими ионийскими колоннами, от которых сохранились достаточные для реставрации фрагменты.

Далее, к западу была открыта обширная олимпийская гимназия, место физического развития отборной греческой молодежи. Она, правда, была открыта не вся, но исследовательские траншеи, проведенные на запад и юг, позволили выявить план и расположение частей всего здания. Собственно раскопана была только одна четвертая часть, а именно, северо-восточная, примыкающая к северным воротам Альтиса, которые также были очищены от слоя земли.

Таковы, вкратце, были главные результаты третьего года, при 250 рабочих и 9 конных тачках. 31 мая закончились работы.

4-ый год (1878—79) не принес особенных новостей. Пользуясь методами предыдущих лет, расчищали священный округ в центре (был обнаружен Пелопион и алтарь Зевса) и в юго-восточной части. Были раскопаны портик „Эхо“ (Агнапта), являющийся восточной границей Альтиса, и здания, примыкающие к южной стене Альтиса: огромное здание Булевтерия<sup>1</sup> с примыкающим к нему двором и южный портик, обращенный лицом к реке Алфею. С этого года во главе технической стороны дела, в должности первого архитектора выступил В. Дерпфельд, который находился на этом месте до конца олимпийских раскопок. Одновременно на севере Альтиса, к западу от храма Геры, были открыты фундаменты Пританейона<sup>2</sup>. Закончились раскопки 11 июня 1879 года.

5-ый год (1879—1880). Для ускорения процесса работы решено было раскапывать с большей энергией. Сразу же число рабочих достигло 250 человек при 15 конных тачках, при чем с января рабочих насчитывалось уже до 280 человек, а вывозных тачек до 30. Программа пятого года состояла в планомерной раскопке неисследованных мест внутри Альтиса, особенно в северо-восточной части между Метрооном<sup>3</sup> и портиком „Эхо“, в северо-западной части между Пелопионом и Палестрой и, затем, на периферии, вне стен Альтиса, по всем направлениям. Особенно много находок было сделано в юго-западном углу Олимпии, вне стен Альтиса. К северу от византийской церкви в непосредственном соседстве с нею был обнаружен целый комплекс помещений, который вскоре назвали Теоколеоном, т.е. жилищем жрецов. На античных греческих фундаментах построено в увеличенном против прежних размеров роскошное здание римского времени. С запада к нему примыкает таинственное здание с круглым помещением в центре. В этом круглом в плане помещении стоял

<sup>1</sup> Здание для заседаний Булэ — верховного Совета, правившего Олимпией. Члены Совета назывались булевтами. См. Павс. V, 23.

<sup>2</sup> Здание, в котором помещалась Притания — дежурная в течение определенного срока часть Булэ. См. Павс. V, 15, 5.

<sup>3</sup> Так называется храм матери богов.

жертвенник. Вся поверхность была наполнена землей, по цвету отличающейся от местной почвы. Напротив, эта земля чрезвычайно близка к земле на вершине священного холма Кроноса. Несомненно, перед нами здание культового назначения, героон<sup>1</sup>.

14 июня закончилась пятая кампания. На следующий год, в течение 6-й кампании раскопок, исследователи занимались раскопкой стадиона и разыскиванием гипподрома. Кроме того, в юго-восточном углу раскопали так называемый „дом Нерона“. Приехавший Кауперт занялся снятием точной карты Олимпии и ее окрестностей. 21 марта 1881 года раскопочная кампания была закончена, дав греческому правительству 130 статуй и мраморных барельефов, 13.000 бронзовых предметов, 6.000 монет, 400 надписей, около 1000 глиняных предметов, 40 памятников...

Едва ли надо прибавлять, какое научное значение имела раскопка Олимпии, увеличив наше знание в области греческих древностей и истории культуры и искусства... Олимпийская археологическая кампания может быть по справедливости названа „классической школой раскопок“, так как ее руководители были первоклассные специалисты, и если есть подчеркнутые нами выше ошибки, то они проистекают оттого, что Олимпия была первым шагом в области раскопок большого размаха. Но главные требования—объективность показаний, строгая протоколизация, снятие планов и фотографий в ответственные минуты раскопок,—все это было тщательно исполняемо во время работ. И, наконец, еще одно: вслед за окончанием каждой археологической кампании тщательно подводились ее итоги и немедленно печатался подробный отчет с изданием главнейших памятников и планов. Таким образом, мы имеем шесть томов „Die Ausgrabungen von Olympia“, вышедших в течение раскопок. Впоследствии, после приведения в порядок всех результатов раскопок, было выпущено в свет роскошное четырехтомное издание с альбомом „Olympia. Die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung... herausgegeben von E. Curtius und F. Adler“. Berlin, 1897.

Пользуясь одним и другим изданиями, которые изобильно снабжены таблицами, планами, чертежами, фотографиями, можно, действительно, восстановить весь ход раскопок и установить все обстоятельства находки того или другого памятника.

Можно убежденно сказать, что, несмотря на отдельные промахи и недочеты, олимпийские раскопки останутся образцом широко задуманного научного предприятия, которое с исчерпывающей для своего времени полнотой доведено до венчающего все дело конца. Вышеупомянутые издания Олимпии являются образцом изданий раскопочных материалов...

## РАСКОПКИ ТРОИ

Мы видели, что Генрих Шлиман остановился на раскопках Гиссарлыка, с одной стороны, вследствие совпадения топографического ландшафта с показаниями Илиады, с другой стороны—вследствие находки надписей, позволяющих отождествлять Гиссарлык с Новым Илионом римского времени, а последний—согласно свидетельству Гелланика—с Троей. Обратил на себя внимание Шлимана и тот мощный слой жилого мусора, который накопился на холме Гиссарлык, как результат тысячелетней культурной жизни.

В апреле 1870 г. приехал Шлиман в Гиссарлык и решил предпринять исследовательские разведки с целью узнать, до какой глубины

<sup>1</sup> Т.-е. храм определенного героя.

залегает искусственная мусорная насыпь и не скрываются ли в ней остатки древнего города. Он начал раскопку в северо-западном углу холма, именно в том месте, которое было выше остальной поверхности холма, а потому исследователь надеялся встретить здесь больше остатков древней культуры. И, действительно, углубившись на 16 футов, Шлиман натолкнулся на мощную квадратную кладку—как впоследствии оказалось—башню крепостной стены города толщиной  $6\frac{1}{2}$  ф., римской эпохи. Но вскоре возникли трения и неприятности с турками—владельцами городища—и пришлось для систематического расследования всей площади холма ехать в Константинополь и испрашивать у турецкого правительства специальное разрешение (фирман) на раскопки.

Только 27 сентября 1871 г. смог Шлиман, получив разрешение копать, приехать в Трою для продолжения раскопок, в сопровождении своей жены-гречанки. Но местные власти чинили ему разные препятствия, и только 11 октября он смог начать раскопку в том же северо-западном углу городища. Сам Шлиман должен был жить в деревне Шиблак, расположенной в 2 километрах (около 2 верст) к востоку от места раскопок. Число рабочих было в среднем 80 человек, и раскопки продолжались до 24 ноября, когда, вследствие наступления холодов, надо было их прекратить до весны. За это время было произведено расследование не столько вширь, сколько вглубь пепелища. „В течение этого времени, говорит Шлиман<sup>1</sup>, мы успели сделать широкую траншею со стороны отвесных северных откосов холма и углубиться вниз до 33 футов. При этом мы нашли остатки Нового Илиона (по Шлиману—„эолийский город“) на глубине, приблизительно,  $6\frac{1}{2}$  футов; чтобы углубиться далее, мы должны были, к сожалению, разрушить стены огромного здания  $59 \times 43$  ф. вышеупомянутого слоя, которое, как показывает найденная надпись, служило Булевтерием.

„Под этими развалинами, до глубины 13 ф. шел слой, содержащий небольшое количество камней и во множестве грубую, от руки сделанную, глиняную посуду. Но под этим слоем я натолкнулся на слой, содержащий в большом числе стены домов, сложенных из необработанных камней и связанных землей, и на необозримое количество каменных орудий и ручных зернотерок, равно как грубой посуды, сделанной без помощи гончарного круга из непромытой глины. На глубине от 20 до 30 футов ниже поверхности холма обнаружилось огромных размеров сырцовые стены домов, многочисленные ручные зернотерки и тонкой работы, но от руки исполненная, глиняная посуда. На глубине от 30—33 футов мы наткнулись на стены, сложенные из грубо отесанных камней огромных размеров, и на отдельные каменные блоки очень большой величины. Все имело вид как будто после землетрясения“. Таковы были результаты этого первого года систематических раскопок Трои. При этом обнаружился недостаток в инструментах для археологических работ. У Шлимана были только кирки, деревянные лопаты, корзины и 8 тачек.

2-ой год раскопок (1872) начат был с конца марта и сразу же все дело получило большой размах. Вначале было нанято 100 рабочих, но вскоре число их дошло до 150 при трех надсмотрщиках и одном инженере, который снимал чертежи и планы. Были предварительно заказаны в Лондоне все рабочие инструменты, в том числе усовершенствованные тачки, а на вершине Гиссарлыка, для более удобного наблюдения за раскопками, были сооружены три здания—дом с тремя комнатами для Шлимана и его жены, кухня с кладовыми и дом для спасения от дождя рабочих.

<sup>1</sup> Schliemann. — Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Lpz. Brockhaus 1881, стр. 26.

Раскопки начались с расчистки огромной площади прошлогодней раскопки в 233 ф. ширины на глубине 46½ футов. Чтобы достичь материка, Шлиман приказал очистить от мусора колодец, обделанное камнем отверстие которого было обнаружено на глубине еще 2 м. Колодец оказался очень глубоким—на глубине 53 ф. он упирался в природную скалу. Шлиман а priori предполагал, что Троя Гомера должна непременно лежать на большой глубине, внизу.

С целью открыть наиболее полно весь город, исследователь решил пройти весь холм одной огромной траншеей, которая шла с севера на юг. В северной части начали рыть эту траншею, в которой на разной высоте начали попадаться обломки посуды, веретен, каменной утвари, бронз и т. п., а также древние стены разных конструкций. Здесь надо упомянуть о той огромной, непоправимой ошибке, которую допустил Шлиман. При этих раскопках все эти стены и другие находимые остатки древности сейчас же по открытии бесследно уничтожались, без фотографирования, без снятия на план и т. п. Благодаря такому варварскому и ненаучному ведению дела теперь совершенно невозможно восстановить и даже догадаться, что именно были за находки этих первых лет раскопок Шлимана в Трое. Предположительно думают, что им были встречены римские оградительные стены храма Афины и сейчас же были разрушены... Чтобы скорее провести траншею, Шлиман велел копать и с юга. Траншея была прорыта, и посреди оказалась „огромная башня“—часть стены 6-го слоя, как потом оказалось... Но Шлиман счел это за стены и башни Лизимахова города. Все эти остатки, как потом оказалось, истинной Трои, были разобраны, для построек, жителями соседней деревни Шиблак. Это была также ошибка Шлимана: необходимо было принять меры к сохранению на месте ценных памятников древней архитектуры. В крайнем случае, их надо было закрыть землей. Пока еще не кончен был разрез всего холма с севера на юг, 20 июня Шлиман начал копать в северо-восточной части городища, на владениях и по просьбе Ф. Кальвера. Здесь он натолкнулся на греко-римский храм Афины, при чем нашел украшенные скульптурными изображениями метопы храма; среди них известную метопу с изображением Гелиоса. При дальнейших раскопках квадры фундамента храма были удалены, чтобы достичь более глубоких слоев. Среднюю часть этой траншеи в конце раскопок довели до 5 м. в ширину, при этом были найдены стены из мелких камней и часть мощной городской стены. Осмыслить и датировать все эти находки Шлиман не был в состоянии.

Вот таковы были результаты 2-го года раскопок. Особенное внимание он посвятил вышеупомянутой „большой башне“, которую он назвал „священным и выдающимся памятником славы героев Греции“, вспомнив Ил. VI, 386, и над расчисткой которой он провел вторую половину раскопочной кампании. Свой отчет за этот год<sup>1</sup> Шлиман заканчивает горделивыми словами, что им „разрешена большая историческая проблема“, что им, „действительно, найдена древняя Троя Гомера“.

14 августа 1872 г. закончилась кампания; но горевший нетерпением Шлиман начал на другой год раскопки очень рано, 1 февраля 1873 г. Продолжали раскопку этой пресловутой большой башни и городской стены. Продолжая обнажать от земли „башню“<sup>2</sup> и идя на запад, исследователь натолкнулся на городские юго-западные ворота города. Шлиман, вспоминая Трою Гомера, немедленно назвал их „Скейскими воротами“. Более новые постройки (6-го слоя), мешавшие изучить

<sup>1</sup> Trojanische Alterthümer von H. Schliemann (стр. 175).

<sup>2</sup> Эта „башня“ впоследствии оказалась двумя параллельными стенами, внутренность которых была заполнена жилым мусором.

топографию этого места, были им беспощадно уничтожены. Вблизи этих ворот он нашел значительный по ценности клад золотых и серебряных вещей, который он в порыве радости поспешно назвал „кладом Приама“. Этот клад был специально замурован его прежними владельцами. Он находился в медном котле и был покрыт медным шлемом. Весь клад был заключен в деревянном ларце. Найдя большой клад<sup>1</sup>, Шлиман был вполне убежден, что им открыта Троя Гомера. Продолжая раскопки на восток от „башни“, он нашел многокомнатный дом, в котором *in situ* находилось большое число пифосов (глиняных бочек).

Шлиман совершенно не обращал внимания на чередование слоев, а следить за ними было чрезвычайно важно. Гиссарлык именно в этом отношении был поразительным местом. Позднейшие исследования Дерпфельда в нем установили 13 слоев, т.-е. такое число раз на нем была смена поселений. Поэтому при раскопке подобного городища чрезвычайно важно давать план остатков каждого слоя. Шлиман на это обратил внимание слишком поздно, когда очень многое было им уничтожено бесследно, даже без нанесения на план...

Шлиман провел траншею на восток для исследования восточной части городища, но так как траншея была неглубокая, то своей цели она и не достигла. И здесь следует упомянуть основное правило раскопок: исследовательские траншеи должно копать либо до материка, либо давать послойную картину находок.

Здесь Шлиман нашел ограду храма Афины и фундаменты Пропилей (т.-е. торжественных входных ворот). Не поняв смысла стен, Шлиман остатки прямоугольных фундаментов Пропилей принимает за резервуар для воды (?), а стены ограды, в виду найденной здесь надписи с упоминанием „τὸ ἱερόν τῆς θεᾶς“, не задумываясь, объявил „храмом Афины“, совершенно неверно переведа надпись, ибо ἱερόν есть святилище, священный округ богини, а не храм.

В виду своего толкования тот храм, где им была найдена метопа с изображением Гелиоса, он должен был считать храмом Аполлона.

17 июня 1873 г. закончилась 3-я кампания, так как Шлиман счел свою работу открытия Трои исполненной до конца. В его дневнике мы читаем: „Сегодня я навсегда закончил свои раскопки на Илионе“. „По его внутреннему убеждению, говорит о нем его соратник В. Дерпфельд<sup>2</sup>, им были найдены Скейские ворота, большая башня, крепостные стены, дворец Приама“... Что еще? Всем этим, по мнению Г. Шлимана, проблема открытия Трои была окончательно разрешена. По его убеждению, третий слой снизу и есть гомеровская Троя.

Следующие пять лет Шлиман не был в Гиссарлыке. Убежденный, что им открыта Троя, он захотел раскопать те города Греции, о которых есть упоминания в Илиаде и Одиссее. Эти годы он посвятил о. Итаке, Тиринфу и Микенам, где были им открыты поразительные памятники, особенно в Микенах. Кроме акрополя, он нашел древние могилы с удивительным богатством погребального инвентаря. Разумеется, по мнению Шлимана, это—могилы Агамемнона и его спутников, умерщвленных Эгистом и Клитемнестрой...

Богатые находки в Микенах и Тиринфе окрылили надеждой исследователя. В 1878 году Шлиман снова возвращается в Трою, в надежде и в Гиссарлыке найти богатые клады. Это было осенью 1878 года.

<sup>1</sup> Впоследствии сам Шлиман увидел, что клад относится не к тому слою, к которому относился многокомнатный дом и ворота. Дом, в котором был замурован клад, был построен на развалинах того слоя, к которому принадлежали „Скейские ворота“. Вообще, Шлиман путал эти слои.

<sup>2</sup> W. Dörpfeld.—Troja u. Ilion I—II, стр. 9.

С этого времени можно смело начать 2-ой период раскопок. Начаты раскопки по близости „Скейских“ ворот и „дворца Приама“, как Шлиман назвал упоминавшееся выше многокомнатное сооружение. За этот год удалось ему найти ряд небольших кладов, замурованных в стены.

Но особенно важной была кампания 1879 г., пятая по счету. Он заручился научной поддержкой проф. Р. Вирхова и директора французской школы в Афинах Э. Бюрнуфа. Благодаря им вместо хищного кладоискателя первых лет Шлиман превратился в научного работника, тщательно протоколирующего раскопки, исследующего чередование слоев; при помощи Вирхова и Бюрнуфа Шлиману удалось определить слои городища и назвать их городами. Нижние слои у него—доисторические, 3-ий слой (Троја III) у него—гомеровская Троя, 6-ой слой—лидийский город, а 7-ой слой—эолийский или греческий.

Бюрнуф составил новый план всех раскопок. За этот год Шлиман раскопал почти целиком всю западную часть городища. „Большая башня“, о которой так много писал Шлиман, уже развенчана: она оказалась двумя параллельными стенами какого-то здания, но которые по недосмотру были приняты за сплошной массив. Большая северо-южная траншея, перерезающая городище, была углублена, и в ней были обнаружены остатки древнейшего доисторического поселения Трои.

Кроме того, Шлиман раскапывал город вне Гиссарлыкского холма, который оказался Лизимаховским городом, обнесенным стеною; исследовались и курганы. Шлиман из всех этих исследований сделал важный вывод. Догреческое поселение (т.е. до эллинизма) было исключительно на холме Гиссарлыка. В конце работ 1879 г. Шлиман окончательно убедился, что Троја III—истинно город, описанный Гомером в Илиаде. Результаты своих раскопок он опубликовал в книге „Ilios“ (Lpz. 1881), к которой приложил свою автобиографию. Книга вышла на трех языках.

После выпуска в свет „Ilios“ и после блестящих раскопок в Микенах и Тиринфе в душу Шлимана закралось много сомнений: разве может 3-ий слой Трои с его убогими маленькими домиками и скромным размером всего города назваться столицей Приама? Особенно после открытия златообильных Микен с их богатыми гробницами. Казалось, есть какое-то несоответствие между картинами, рисуемыми Гомером, и той убогой действительностью, которую нам показывают раскопки. Шлиман решил снова взяться за лопату, и с 1 марта 1882 года мы снова видим его в Трое. На этот раз правой рукой Шлимана является известный исследователь античной культуры, архитектор В. Дерпфельд. 5 месяцев шли раскопки. Троја III, объявленная Шлиманом гомеровской, оказалась жалким поселением, но возникшим на развалинах действительно царских жилищ. Когда разобрали 3-ий слой и углубились немного ниже, то увидели слой, дающий картину бывшего здесь когда-то богатого и пышного города. Был исследовано большое число строений этого слоя, в том числе прямоугольные длинные здания с остатками очага в центре. Сначала приняли их за храмы, на которые они очень похожи по плану. Но исследование открытого Шлиманом дворца в Тиринфе показало, что и здесь мы имеем пред собою остатки, несомненно, царских жилищ, так называемые мегароны, т.е. центральные залы, куда собиралась у огня вся семья<sup>1</sup>.

Сильно тормозили работу местные турецкие власти, вмешивавшиеся во внутреннюю организацию работ и не позволявшие, по военным

<sup>1</sup> Мегарон представляет собой четырехугольный продолговатый зал, так называемую cella, которому предшествуют сени, пронаос. В центре cella обнаружен жертвенник. Несомненно, мегарон—прототип греческого храма.

соображениям, снимать планы и чертежи. Несмотря на эти, весьма существенные, препятствия, главная задача раскопок—проследить городскую стену 2-го слоя—удалась блестяще. Кроме дополнительного расследования ранее открытых „Скейских“ ворот, были обнаружены ворота в южной и юго-восточной части стены. Внутри стен на площади города обнаружались остатки зданий настолько хорошо сохранившиеся, что получилась возможность восстановить их первоначальный план. Были определены последовательные наслоения этого 2-го слоя. Оказалось, что можно отчетливо установить два периода слоя; особенно точно это было установлено при изучении найденных городских ворот.

В 1882 году особое внимание было уделено также последнему, самому позднему слою Гиссарлыка, эпохи владычества римлян. Были исследованы и изучены все остатки храма Афины, священной ограды, узнаны Пропилены, которые раньше Шлиман принял за резервуар для воды... Собрали со всех окрестных деревень растасканные жителями остатки строительного материала этого последнего слоя... Все результаты были нанесены на план. Вне холма были исследованы развалины античного театра греческо-римской эпохи, но турки запретили снимать планы вне городища. Благодаря энергичной помощи Дерпфельда Шлиману удалось более или менее основательно расследовать 2-ой слой в его последовательном развитии. Результаты раскопок были им опубликованы в книге „Troja“ (1884). Если в „Trojanische Alterthümer“ и в „Ilios“ Шлиман с энтузиазмом уверял читателей, что остатки 3-го слоя Гиссарлыка есть именно Троя Гомера, то теперь он молчаливо сознается в преждевременности своих первоначальных выводов и объявляет остатки 2-го слоя Гиссарлыка за Трою Гомера, опять-таки без критического анализа, столь необходимого в таком деле. Разумеется, раскопки Г. Шлимана повлекли за собой массу нареканий. Раздавались совершенно справедливые упреки по поводу ненаучности, бессистемности и хищнического метода раскопок. Но были и другие упреки. На этой почве произошел любопытный случай. В 1883 г. артиллерийский полковник Эрнст Беттихер выступил со множеством статей и летучек, в которых он обвинял Шлимана и Дерпфельда в излишней фантазии и уверял, что на Гиссарлыке нет никакого города, а что это—„grosse Leichenverbrennungs-Anstalt, Feuernekropole“<sup>1</sup>. Хотя Беттихер ни разу не был на Гиссарлыке, но он самоуверенно и убежденно утверждал, что все планы и промеры Дерпфельда являются плодом фантазии и подчас намеренного искажения действительности (?), будто сам Шлиман путем удаления перегородок в небольших печах для сожжения трупов делал из них мегароны! Шлиман и Дерпфельд, чтобы ликвидировать эту неприятную для них полемику, решили, что достаточно пригласить Беттихера на раскопки в Трою, и что он, увидев абсурдность своей „Verbrennungs-Offentheorie“<sup>2</sup>, откажется от нее в пользу очевидности.

В 1889 году на средства Г. Шлимана приехал Э. Беттихер и в присутствии ученых свидетелей был произведен осмотр всех раскопок; протокол этого осмотра был затем опубликован<sup>3</sup>. Беттихер увидел себя вынужденным взять назад свои обвинения в излишней фантазии и отказаться от своих предположений. Но он медлил это делать, а когда он отказался принести извинения, то на него перестали обращать внимание и порвали с ним.

Шлиман решил снова обратиться к Трою. 1 марта 1890 г. началась эта последняя для Шлимана раскопочная кампания. По его приглашению на Гиссарлык съехалась международная комиссия из ученых археологов

<sup>1</sup> „Огромный крематорий для сожжения трупов“, „кладбище для сжигания покойников“.

<sup>2</sup> „Теория печей для сжигания“ (подразумевается трупов).

<sup>3</sup> Н. Schliemann. — „Hissarlik — Ilios 1890“.

для присутствия на раскопках и для проверки работ. Раскопки продолжались с марта по июль, когда наступившая жара и лихорадки заставили прекратить работы. В раскопках участвовало очень большое число рабочих и впервые была применена полевая железная дорога для вывоза земли. В этом году интересы исследователей были направлены на 2-ой слой. Была расчищена восточная стена этого слоя. На юге же, на всем протяжении были найдены три стены, показывающие три последовательных периода этого слоя. Каждый следующий период отходил чуть к югу и востоку. К трем известным ранее воротам прибавились четвертые. Была, далее, предпринята раскопка к западу от юго-западных ворот<sup>1</sup>. Были прослежены и зафиксированы все семь слоев, последовательно возникавших над 2-ым слоем. Особое внимание привлек 6-ой слой, так как он оказался хорошей сохранности и мог быть датирован найденными в этом году в нем сосудами микенского типа. В нижних слоях таких ваз не встречали. Участвовавший в кампании А. Брюкнер помог в хронологическом определении найденных ваз, и возникло предположение, что по времени именно этот слой более других близок к Трое Гомера. Значит, нужны еще раскопки. Быть может, так называемые „лизимаховские“ стены — принадлежат 6-му слою? Словом, сам Шлиман начал сомневаться в правильном истолковании и датировке остатков 2-го слоя. Но ему уже не суждено было разрешить своих сомнений: 26 декабря 1890 г. он умер в Неаполе от болезни уха, усложнившейся воспалением мозга<sup>2</sup>... Но его дело с ним не умерло. Как раз в последний год выплыли новые проблемы, потребовавшие дополнительных разысканий.

После смерти Генриха Шлимана Дерпфельд все время разрабатывал проблему загадочного шестого города. Но для разрешения всех возникающих вопросов необходимы были дальнейшие раскопки, остановившиеся на полпути. Софья Шлиман, которая была неизменной спутницей покойного мужа во всех его археологических кампаниях, сочла своим долгом довести до конца дело мужа и дала средства для продолжения раскопок. Прусское министерство культов командировало в помощь В. Дерпфельду, ставшему во главе дела, археолога А. Брюкнера, историка Р. Вейгеля и архитектора В. Вильберга. С ранней весны 1893 года в продолжение трех месяцев длилась на Гиссарлыке напряженная археологическая деятельность. Ее результаты были опубликованы в книге „Троја 1893“<sup>3</sup>. Все внимание археологов было обращено на всемерное и полное раскрытие шестого слоя. „Было констатировано, говорит Дерпфельд в отчете за этот год, что 6-ой слой, в котором в 1890 году были найдены руины двух прекрасных зданий и сосуды микенского стиля, в действительности является развалинами мощного кремля микенского периода, кремля, который с большой долей вероятности можно объявить воспетой Гомером Троей“. В этом году удалось открыть много хорошо сохранившихся зданий 6-го слоя, которые укрепили Дерпфельда в его предположении, что 6-ой слой именно и есть Троя Гомера. Оказалось, что кремль 2-го слоя Трои, как лентой, опоясан крепостной стеной 6-го слоя, оказалось, что внутри этой ленты стены сохранилось много интересных зданий. Найдено, кроме того, много остатков 9-го римского слоя, особенно священного округа Афины. Прежнее предположение Шлимана о существовании в Трое двух храмов не подтвердилось. Совместная работа археолога, доисторика

<sup>1</sup> Шлиман хотел и здесь, как в Микенах, найти могилы.

<sup>2</sup> Отчет о раскопках 1890 г. издала вдова Софья Шлиман.

<sup>3</sup> W. Dörpfeld. — Troja 1893. Bericht... Lpz. 1894. К книге приложены (на стр. 35) схематический разрез городища Трои, а на стр. 86, как синтез всех раскопок — датировка всех слоев, встреченных на Гиссарлыке.

и архитектора принесла свои плоды. Научно подошли к мелким находкам, очень важным для датировки и хронологического расслоения культурных залеганий городища. Между 6-м и 9-м слоем было констатировано последовательное существование 7-го и 8-го слоев греческого времени, расслоить которые и определить было весьма нелегким делом. Но благодаря кропотливой и тщательно протоколируемой раскопке был пролит луч желанного света на историю последовательной смены поселений на холме. Стало возможным определенно говорить о девяти крупных и резко выраженных слоях и о тринадцати сменявших друг друга поселениях на этом замечательном и единственном в своем роде холме. Но одним из самых важных выводов кампании 1893 года был тот, что на Гиссарлыке было констатировано значительное поселение микенского времени, развалины которого хорошо сохранились и говорят о былом могуществе Трои.

Одновременно выяснилось, что 2-ой слой, который в книге „Троја“ Шлиман объявил за остатки Трои Гомера, должен быть развалинами более древнего города еще доисторической эпохи. Но, конечно, значение 2-го слоя от этого не умалилось. Наоборот! 2-ой слой является драгоценным свидетелем древнейшего периода европейско-азиатской культуры.

Удивительной случайности надо приписать неоткрытие Шлиманом мощных и удивительно сохранившихся стен шестого слоя. Правда, он дважды наткнулся на них, но, ослепленный предвзятой идеей, он не оценил их значения и оставил вне сферы своего внимания. Не мог он их найти еще и потому, что наиболее основательно Шлиман раскопал северную часть городища—но именно в этом месте не сохранились стены 6-го слоя. А на юге его траншеи были недостаточно глубоки. Он наткнулся только на верхушки этих стен, маловразумительные и сильно разрушенные. Кроме того, вплоть до 1890 года раскопки велись исключительно в центре городища, ибо там были найдены остатки 2-го слоя, на котором Шлиман сосредоточил все свое внимание.

Но в центре городища следы 6-го слоя были уничтожены еще в римское время, при нивелировке поверхности холма для воздвигаемых построек. Поэтому до 1890 г., когда было обращено больше внимания на периферию холма, 6-ой слой почти нигде не был обнаружен. В 1890 году впервые был научно определен 6-ой слой, открыты его большие здания на западе городища. Эти-то здания и заставили открыть глаза на истинное значение этого слоя... Жара и связанные с нею лихорадки, а также израсходование средств, отпущенных Софьей Шлиман, заставили прекратить фактически еще не законченные раскопки в июле 1893 года. „Все разъехались, говорит В. Дерпфельд<sup>1</sup>, со страстным желанием продолжить в ближайшем будущем неоконченные раскопки“.

В августе 1893 г. В. Дерпфельд в Потсдаме сделал устный доклад о раскопках в Трое, обильно снабженный фотографиями и чертежами, германскому императору Вильгельму II. Последний дал средства на окончание раскопок и издание результатов.

Было отпущено 30.000 марок и через германского посла в Константинополе было получено продление фирмана 1893 года. Раскопки могли начаться ранней весной 1894 г. Во главе раскопочной кампании стал В. Дерпфельд. Для научной регистрации находимых памятников и в помощь ему были откомандированы архитектор Вильберг, археологи Г. Виннефельд и Г. Шмидт и доисторик А. Гетце. Было нанято 120 человек рабочих, большею частью, из местных жителей, бывших рабочими

<sup>1</sup> W. Dörpfeld.—Troja und Ilion. Einleitung.

у Шлимана и продолжавших с гордостью носить гомеровские имена, данные им энтузиастом-археологом. Для наблюдения было нанято два надсмотрщика: опытный Г. Параскевопуло, бывший в Олимпии и у Шлимана в Трое, и К. Калудис из Афин. Был приглашен фотограф Немецкого Археологического Института в Афинах. С 27 апреля начались работы. Главной целью раскопок было открытие 6-го слоя, которое не было закончено в предыдущие годы. Особое внимание было обращено на открытие городской стены. Два отряда рабочих во главе с научными сотрудниками раскапывали восточную и западную части стен. Обе партии сошлись на южном участке стены, где были открыты городские ворота. Таким образом, в течение 12 недель, до середины июля, была исполнена вся задача открытия Трои Гомера. Кремль 6-го слоя, который в 1890 году только предполагали, а в 1893 чуть приоткрыли, теперь был весь целиком раскопан. Было открыто мощное кольцо городской стены с могучими башнями и крепкими сложного плана воротами. Одновременно были исследованы все темные места предыдущих раскопок. Гетце специально раскопал часть 2-го слоя, а на севере холма обнаружил 1-й, самый древний слой.

Ни курганы, ни Новый Илион, расположенный у подножия холма Гиссарлыка, не удалось раскопать, в виду запрещения со стороны турок. Нераскопанной осталась и часть стены 6-го слоя на юге с прилегающей местностью внутри стены. Раскопки довели только до обнаружения стены и несколькими исследовательскими шахтами установили их высоту. Но все эти части городища, в том числе и опорные стены на севере холма, найденные еще Г. Шлиманом, были оставлены без детального расследования с нарочитой целью, о которой Дерпфельд говорит так:

„Я счел своим долгом, заявляет он, некоторые части единственного в своем роде и для науки о древностях столь важного холма Гиссарлыка оставить нерасследованными с той целью, что последующие поколения, которые, наверное, будут искуснее в технике раскопок и тщательнее, чем мы, в наблюдении разнообразных находок,—получат возможность путем дальнейшей раскопки проверить наши выводы и усовершенствовать достигнутые результаты“<sup>1</sup>.

И так, мечта Г. Шлимана открыть Трою Гомера—сбылась. Но, увы, не суждено было ему самому дожить до этого момента. Он, всю жизнь мечтавший о ней, впадал в тысячи ошибок, которые мы проследили, и, в конце концов, запутался во всех тех сложных переплетениях слоев, которыми так изобилует Гиссарлыкское городище.

В результате всех кампаний 1869—1894 года (всего 10 кампаний) мы имеем полную картину чередования культурных слоев на холме Гиссарлыка<sup>2</sup>. Все результаты изданы Дерпфельдом в его „Troja und Ilion“ 1—2.

Нет ни одного места на земле, где бы так наглядно и так обильно сохранились в последовательном порядке их возникновения культурные слои, как на Гиссарлыке. Есть много городищ с 2—3 слоями культурной жизни, но нигде нет такой высокой искусственной насыпи в 15 метров высоты, где бы были так ясно различимы слои, числом 9, а по более детальному счету—13, как на Гиссарлыке. Это—огромный музей

<sup>1</sup> Еще Шлиман пытался оставлять контрольные столбы среди раскопанного пространства для могущей встретиться надобности в проверке слоев; но эти столбы, которые оставались слишком тонкими, были все размыты непогодой. См. Athenische Mittheilungen, 1894, 392 (XIX).

<sup>2</sup> Вот приблизительная датировка слоев: I—3000—2500 гг. до р. Х.; II—2500—2000 гг. до р. Х.; III—V—2000—1500 гг.; VI—1500—1000 гг. до р. Х.; VII—1000—700 гг.; VIII—от 700 до I в. до р. Х.; IX—от 85 до р. Х. до 500 по р. Х.

с датированными слоями, который для археолога важен и безотносительно к тому, Троя это, или нет. Более того, Гиссарлык является прекрасной школой раскопок, где археология получила свое первое боевое крещение, и где наука, в лице исследователей этого холма, прошла длинный путь самосовершенствования от хищнических раскопок первых лет, когда больше портили, чем раскапывали, вплоть до образцовой археологической кампании 1894 года во всеоружии всех археологических приемов, знаний и техники.

### РАСКОПКИ ОЛЬВИИ

Олимпия и Троя раскапывались путем проведения исследовательских траншей с последовательной выборкой земли в междутраншейных пространствах. При разведочных работах этот способ раскопки, разумеется, является, пожалуй, единственно правильным и систематическим; но при планомерной раскопке целого города или комплекса зданий такой траншейный метод неприложим, потому что, во-первых, он не дает общей картины результатов во время раскопчного процесса, во-вторых, не позволяет учесть все находки относительно их залегания в том или другом слое городища. Поэтому при систематическом раскапывании большого пространства ученые пользуются другим методом исследования, который, для большей вразумительности последующего рассказа, можно назвать „методом квадратно-последовательного исследования“. Этим методом было начато исследование Ольвийского городища, прерванное войной 1914 года. Но прежде чем будем знакомиться с деталями этого метода, скажем несколько слов о самой Ольвии.

Ольвия (в переводе „счастливая“) была богатым торговым городом, основанным в середине VII века до р. X. выходцами из малоазиатского города Милета, т.е. ионийскими греками. Находится Ольвия около нынешнего села Парутина Херсонской губернии, между Очаковым и Николаевом, на берегу Буга при слиянии его с Днепром. Древние писатели<sup>1</sup> в один голос говорят об Ольвии, как о богатом, благоустроенном городе с мощными стенами и башнями, с площадями, храмами и даже дворцами (дворец скифского царя Скила с мраморными грифонами!), о городе — ярмарочном пункте<sup>2</sup> днепровских и бугских поселков и городов. Ольвия была посредником в торговых сношениях юго-западной Скифии с Грецией и Малой Азией. Словом, это был богатый греческий город-порт, с пышно расцветшей эллинской культурой, существовавший в течение полутора тысячи лет (VII в. до р. X. — VII в. по р. X). В настоящее время город погребен глубоко под землей и на его месте и на месте его обширных некрополей (кладбищ) растилаются новороссийские степи. Место города отграничено глубокими балками (Заячья, Широкая, Северная), образующими неправильный треугольник. Городище (место города) легко узнать по особому цвету земли, насыщенной обломками („жилой мусор“, „культурный слой“), и по многочисленным ямам — результат многовековой добычи из руин города строительного камня.

Местоположение города и важность его исследования сознавалась уже давно, с конца XVIII века. Впервые серьезно заговорил об Ольвии А. С. Уваров, побывавший на месте города в 1848 году и давший разработанный проект исследования города.

<sup>1</sup> См. Minns.—Scythians and Greeks, стр. 450 и слл.; Б. Фармаковский.—Ольвия. М. 1915 (отд. оттиск из „Экскурсионного Вестника“); моя статья—„IV книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией“ в „Записках Харьк. Университета“ 1915; в ней приведена вся литература об Ольвии.

<sup>2</sup> „Эмпорий жителей реки Борисфена“ (Днепра)—по Геродоту IV кн.

Планомерные и систематические разыскания могли начаться только с 1902 года, когда было получено разрешение от помещика, владельца этой земли. До 1909 года шли только археологические разведки для определения городской территории, для обнаружения главных линий городских стен, для выяснения частей города и их взаимоотношения друг к другу<sup>1</sup>. Параллельно шли раскопки некрополя для выяснения степени его распространения в степь и распределения по эпохам города.

При раскопках этого периода пользовались обычным траншейным методом работы, но с последующим послойным сниманием земли с исследуемого участка. Когда предварительное расследование было закончено и выяснилось, что город занимал площадь в форме треугольника и был окружен стеной, что древнейшая и лучше сохранившаяся часть города должна лежать в юго-восточной приречной части, — тогда решено было приступить к систематическому и строго планомерному раскрытию этой приречной части древнего города. Для расследования, говорит производивший раскопки проф. Б. В. Фармаковский, была намечена прямоугольная площадь А, стороны которой расположены по странам света. Восточная сторона параллельна реке Бугу. Восточная и западная стороны намеченной площади взяты были по 25 метров, южная и северная — по 30 метров. Затем на западе к намеченной площади была прибавлена полоса в 5 м. ширины и 25 м. длины (с севера на юг) и на В — части с неровными очертаниями, находящиеся у обрыва р. Буга (шириной с запада на восток до 3 метров). Площадь раскопок в 25×35 метров была разграфлена на 35 квадратов, каждый по 5 кв. метров (№№ 1—35). Счет квадратов начат был с юго-восточного угла (1—5, 6—10 и т. д.). Неровные части у обрыва, примыкающие к квадратам 1—5, обозначены были 1а—5а. При всех находках помечалось, из какого квадрата они происходят. Раскопки начаты были с востока при помощи полевой железной дороги. Вагонетки были поставлены на таком уровне, который, по возможности, пришелся бы выше верхних частей остатков древних построек наиболее позднего времени, которые здесь можно было ожидать найти. Расчет оказался приблизительно правильным и только на западе открыты были следы построек, которые выдавались над уровнем рельсового пути. По мере углубления неуклонно строго продолжали намечать линии квадратов. В описях предметов древностей, найденных при раскопках, помечалась, кроме квадратов, откуда они происходят, также глубина, на которой они были найдены<sup>2</sup>.

Констатировать глубину находок было для ольвийских раскопок очень важно, так как было обнаружено семь культурных слоев, т. е. семь строительных периодов древнего города, из которых самый нижний слой, разумеется, был самым древним и обнимал период от начала заселения этой местности (VII век до р. X.) до середины V века до р. X. Этот слой, в силу его глубокой древности и частых перестроек, почти не сохранил античных зданий и характеризуется мелкими находками архаического стиля. Следующие слои представляли очередные строительные периоды, при чем самой лучшей сохранностью отличаются пятый и четвертый слои, дающие картину жизни древнего города в эпоху позднего эллинизма и начала римского владычества, до

<sup>1</sup> Литература: Отчеты Археологической Комиссии 1894, 1901—1915. Известия Археол. Ком., вып. III, VIII, XIII. Остальная литература приведена у Minns'a (Scythians and Greeks, Camb. 1913, стр. 488—489) и в брошюре Б. Фармаковского „Ольвия“ (1915). Словарь Брокг.-Ефр. (2 изд.) под сл. „Ольвия“.

<sup>2</sup> Отчет Археолог. Ком. за 1909—10 гг. (Петербург, 1913), стр. 5—6. За раскопками каждого квадрата, кроме надсмотрщиков из рабочих, наблюдали и протоколировали находки ответственные научные сотрудники, на обязанности которых было лично следить за правильностью работ и констатированием находок.

бывшего в 50 году до р. Х. страшного разгрома Ольвии диким племенем гетов. Следующие слои показывают, что, хотя Ольвия не прекратила своего существования после этой катастрофы, но она никогда уже не могла вернуть себе прежнего благосостояния и богатства. Третий, второй и первый слои (считая от поверхности земли) дают нам картину обедневшего города, который постепенно, к периоду полного укрепления римского владычества, расцвел с новой силой (первый слой). В 1909—1910 гг. намеченная площадь (А) была исследована полностью, дав картину последовательной смены строительных периодов древнего города. В 1910 году, по окончании исследования этой площади, была намечена непосредственно рядом с нею к югу новая прямоугольная площадь (Б) в 25 метров с севера на юг и 35 метров с востока на запад. Эта площадь также была разделена на квадраты по 5 кв. метров каждый (№№ 36—66). С востока к ней примыкает полоса с неровными очертаниями у обрыва р. Буга. Она была разделена в соответствии с примыкающими с запада квадратами (№№ 36—40) на части (по 5 метров), которые обозначены были цифрами 36а—40а и 36в—40в, достигавшими с запада на восток в некоторых местах до 5 метров. В 1910 г. на площади Б был снят только первый и только частью (на западе) второй слой.

Раскопки этих годов показали, что городище с давних времен служило каменоломней. Интересно, что раскопки дали даже хронологическое указание на время этих грабительских раскопок с целью добычи камня. В 1909 г. в одной яме, доходившей до глубины 4-го слоя и сделанной с целью выборки камня древних построек, в квадрате № 4 была найдена, очевидно, случайно оброненная серебряная монета турецкого султана Ахмета III (1703—1730), помеченная 1115 годом гиджры. Значит, с первой половины XVIII века и до самого последнего времени Ольвийское городище служило каменоломней! Ближайшие исследования, однако, показали, что все эти грабительские ямы доходили только до горизонта 4-го слоя; ниже этого слоя они не опускались, т.-е. имелись все основания предполагать, что эллинский и эллинистический город не потревожены искателями строительного камня.

В 1911 году была полностью исследована площадь Б, при чем выяснилось, что чередование слоев было таким же, как на раскопанном в предыдущий год участке А. Во 2-ом слое была найдена надпись эпохи римского императора Александра Севера (222—235 г.), что датирует время этого слоя.

В 4-ом слое были открыты сравнительно хорошо сохранившиеся остатки обширного частного дома, который представляет хорошее дополнение к открытому в предыдущем году общественному зданию. Кроме того, были раскопаны части улиц, прилегающих к этим домам, и таким образом был вскрыт целый квартал древней догетской Ольвии, дающий понятие о распланировке города.

В следующем 1912 году производилось окончательное исследование площади Б, при чем подверглась исследованию вся юго-восточная ее часть. Были констатированы, кроме шести слоев предыдущих лет, еще седьмой и восьмой (древнейшие). В 4-ом и 5-ом слоях было открыто продолжение на юг улицы, северная часть которой была обнаружена раскопками 1910 года. По обеим сторонам улицы открыты остатки построек, очевидно, частных домов и сооружений, имеющих к ним отношение.

В 1913 году, когда была закончена раскопка площадей А и Б, была намечена такого же размера площадь В к северу от разрытых в предыдущие годы. В этом году была произведена распланировка местности на квадраты (по 5 кв. метров) и были сняты верхние части первого слоя во всех квадратах, за исключением тех, у которых верхние части

насыпи 1-го слоя были раскопаны еще в 1910 г. Таким образом, в 1913 г. было исследовано все пространство только до глубины залегания античных мостовых 1-го слоя<sup>1</sup>. В квадратах №№ 87—91 и в западных частях квадратов 95—99 были исследованы также 1-ый и 2-ой слои, а отчасти (в №№ 87—91) начато исследование 3-го и 4-го слоев.

В 1914 году, когда вследствие мобилизации была приостановлена раскопка на полдороге, были раскопаны 3-ий и 4-ый слои в западных частях квадратов 95—99 и слои с 1-го по 4-ый в восточных частях тех же квадратов. В 1915 г. во время последней раскопочной кампании, в виду полного отсутствия рабочих рук, производились только раскопки кладбища.

Благодаря квадратно-послойному методу снятия пластов земли получается полная возможность следить за обнаружением слоев и с наибольшей легкостью выявляется картина всех обнаруживаемых остатков древности. Единственным неудобством является частая передвижка рельсового пути по мере углубления. Как правило, перед каждым уничтожением даже незначительной древней кладки она фотографируется и наносится на план. Необходимо составлять план каждого слоя с точнейшим нанесением на него всех, даже ничтожнейших, остатков древности. Результаты раскопок 1912—14 гг. сводились к частичному открытию верхних слоев (до 4-го), но начертить общую картину не представлялось возможным, в виду слишком малой площади раскопа, которая задела только небольшую часть сооружений этого слоя. Но зато эти раскопки выяснили историю залегания слоев. При раскопках 2-го слоя во многих местах обнаружались следы большого пожара, от которого, очевидно, погибли обнаруженные раскопками здания 2-го слоя. Следы пожара в общем оказывались на глубине около 0,50 м. ниже уровня мостовых 1-го слоя. Таким образом, становится очевидным, что после пожара сгоревшие здания 2-го слоя не были восстановлены и оставались в течение некоторого времени заброшенными, отчего развалины и покрылись мало-по-малу слоем насыпи, достигшей 0,50 м.

Жизнь возобновилась здесь в эпоху 1-го слоя, но новые строители созидали свои сооружения, не расчищая накопившейся насыпи, а прямо на ней.

Послойные раскопки позволяли подробно следить за составом насыпи. Так, насыпь 1-го слоя была вся потревожена грабительскими ямами и благодаря этому в ее состав входят предметы из более глубоких слоев. Она вся насыщена культурными остатками разных периодов существования Ольвии. Насыпь 2-го слоя была влажная, плотная, со множеством черепков глиняной посуды. В верхних частях (над мостовыми) она, как это обычно наблюдается и в других слоях, была более темная, чем в нижних (ниже мостовых). Толщина 2-го слоя достигает 1,90—2,15 метра<sup>2</sup>. 3-ий слой раскопками 1913—14 годов был затронут только отчасти и полностью не исследован. Только на очень небольшом пространстве обнаружены были остатки стен зданий и мостовых третьего слоя. Засыпь 3-го слоя была вообще влажная, черного цвета. Толщина слоя в различных местах была различная, от 0,75 м. в квадрате № 96 и 97 до 1,07 м. в кв. № 89. Толщина 4-го слоя—1,50 м. Такова же и толщина 5-го слоя. В виду незначительности исследования говорить об этих слоях более подробно не приходится.

Таким образом, раскопки Археологической Комиссии в Ольвии, собственно говоря, только начались. Можно сказать, что руководителю

<sup>1</sup> Квадраты №№ 87—91, 95—99, 103—107, 111—115, 119—123, 127—131, 135—139; сведения взяты из Отчета Археол. Ком. за 1913—15 гг. (Пгр. 1918).

<sup>2</sup> Считая от уровня фундаментов зданий 1-го слоя до уровня фундаментов 2-го слоя, которые заложены в грунте и на остатках кладок 1-го слоя.

этих раскопок проф. Б. В. Фармаковскому удалось блестяще провести предварительную разведочную кампанию 1902—1908 годов и удалось только начать систематическую раскопку нижнего приречного города. К сожалению, события политического характера положили конец этой культурной работе. Метод „квадратно-послойного снимания“ почвы, чрезвычайно удобный для научного протоколирования всех находок и научной фиксации общей картины послойного залегания древностей, страдает двумя недостатками: крайней медленностью и тяжеловесностью, а также крайней дороговизной: этот метод требует значительного числа рабочих рук и, в виду раскрытия сразу большой площади, требует возможно полного, до конца раскрытия всех слоев. При траншейном методе, менее научном во всех отношениях, достигается меньшая затрата сил и имеется возможность прекратить исследование даже небольших участков всей площади. Благодаря неизбежным особенностям этого метода исследование городской территории подвигалось вперед крайне медленно. В самом деле, в течение шести полных кампаний (с 1909 по 1914 г.) была расчищена очень небольшая площадь, быть может, одна сороковая часть всей городской территории... Но зато исследователь может гордиться, что ни Олимпия, ни Троя не исследовались так исчерпывающе-детально, с обращением сугубого внимания на каждый слой. Пусть понадобится вдвое больше времени, но зато хоть один греческий город будет исследован с возможной полнотой. Так следует раскапывать согласно научным принципам, завещанным нам замечательными критскими раскопками англичанина А. Эванса, на практике впервые применившего этот строго научный метод „квадратно-послойного снимания“ древних культурных пластов.

В заключение нам хотелось бы два слова сказать о методах раскопок отдельных погребений и сплошных некрополей. В Ольвии, помимо раскопки города, одновременно шла раскопка обширного „города мертвых“. Раскопка некрополя давала большое число древней посуды, терракот и прочей утвари, которую в силу обычая и потребностей культа ставили в могилу близкие усопшего.

Но как определить присутствие в земле древней гробницы, когда на поверхности земли нет ровно никаких к тому примет? Для этого в Ольвии и в Керчи применяют очень остроумный способ, придуманный ловкими керченскими и ольвийскими „счастливцами“<sup>1</sup>: для определения, есть ли в данном месте в земле гробница или нет, в нескольких местах, обычно в шахматном порядке, буравят землю особыми стальными буравами, носящими название „щупы“. Этот инструмент имеет в длину около сажени. Благодаря „щупу“ из глубины 1—2 аршин добывают щепотку земли. Если в данном месте нет никакой гробницы, ямы, словом, земля не была потревожена никем и никогда, то она должна лежать определенными слоями геологического происхождения. Это называется „материк“ и, следовательно, в этом случае копать в этом месте бесполезно. Но если когда бы то ни было в данном месте земля была потревожена устройством ямы, гробницы и т. п., то ясно, что потревоженная лопатой земля не будет лежать материковыми слоями—она будет перемешанной и имеет определенный, более темный цвет. На местном языке это называется „засыпь“. При находке засыпи дополнительными ощупываниями почвы устанавливаются границы „засыпи“ и после этого начинают копать яму по указаниям засыпи. Разборка самого костяка и констатирование гробничного инвентаря обязательно должно происходить в присутствии ответственного научного сотруddника, ведущего строгий протокол всей раскопке. Часто бывают

<sup>1</sup> Так называют на юге СССР кладонскателей.

находки предметов и в „засыпи“ самой гробницы,—что заставляет быть внимательным во все время рытья гробничной ямы.

Такой способ находки могил, строго говоря, нельзя назвать научным, так как он не гарантирует пропусков целых групп могил. Другой способ, к которому прибегали исследователи при раскопках, например, сплошных могильных насыпей в окрестностях станции Сенной, около городища города Фанагории на Таманском полуострове, в Херсонесе Таврическом и др. местах, это—раскопка „плантажем“, т.е. с определенной площади земли снимается верхний слой. Свеже-обнаженная подпочва дает темные пятна на месте древних ям и могил. Но этот способ, разумеется, более дорогой и может быть применяем только в расследовании сплошных могильников.

Раскопка курганов ведется обычно траншеей, перерезающей курган пополам, с последующей тщательной разработкой отдельных частей курганной насыпи. При раскапывании необходимо твердо помнить, что раскапываемый памятник тем самым навеки уничтожается, поэтому необходимо принимать все меры к беспристрастному, точному и подробному изучению всего, констатируемого раскопкой, с тщательной фиксацией путем фотографирования, снимания на план и т. п. таким образом, чтобы по планам, записям и фотографиям можно было бы в точности восстановить все обстоятельства раскопки в их последовательности<sup>1</sup>.

В этом смысле чрезвычайно полезно иметь план с сеткой, на которую накладывается калька. Помимо главного сводного плана таким путем мы можем легко получить планы отдельных слоев.

Наличие этих отдельных планов лучше выясняет картину отдельных слоев.

<sup>1</sup> Относительно метода раскопки курганов отсылаем к нашей работе, помещенной в 5 книге „Народного Университета на дому“ (Ленинград, 1925).

## МЕТОДЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

В этой главе на двух примерах показаны приемы исследования: гробничного инвентаря со сложной датировкой самого погребения и отдельного памятника, об обстоятельствах находки которого, кроме местонахождения, мы почти ничего не знаем. На этих примерах показано, что значит „издать“ памятник. Конечную целью этого „издания“ мы считаем показать во весь рост значение данного памятника, как выпавшего звена из культурно-исторической цепи, датировать его во времени, затем показать его связь с определенным местом, связь с определенной культурной средой. Исследовательская работа над памятником, в общем, может быть сведена к следующей схеме:

1. Объяснить, почему мы этим памятником занялись. Выяснить значение памятника с бытовой, историко-художественной, социально-политической и др. точек зрения. (*Raison d'être* исследования).

2. Сумма наших сведений об изучаемом памятнике. Точное и обстоятельное описание условий находки, которые представляют необходимое окружение, часто помогают разрешить важные вопросы назначения и датировки памятника.

3. Описание памятника. Дать его размеры, подчеркнуть в памятнике все самое характерное, особенности его формы, его украшения. Описание должно быть объективным, точным и давать полное представление о памятнике.

4. Современное состояние памятника, его сохранность, где он находится, где он издан. Литература о памятнике.

5. Историко-художественный анализ памятника. Анализ его стиля. Привлечение датированных аналогичных памятников (близких по стилю). Анализ техники памятника. Аналогии.

6. Датировка памятника, т.е. его хронологическое определение. Когда он создан, при каких обстоятельствах (художественно-исторических, социально-политических и экономических), где место его изготовления; отношение к месту его находки (например, к гробнице, городищу и т. д.).

7. Выводы (значение памятника, как историко-художественного и бытового явления).

Начертанная схема, разумеется, является только примерной. Более сложные исследования с привлечением многих памятников строятся несколько иначе, но в общем и они могут быть сведены к вышеприведенной схеме. Образцом такого сложного исследования может служить наш первый пример—исследование керченской гробницы. На этом примере можно изучить приемы сложной датировки, когда датирующими элементами являются отдельные, но вместе найденные памятники. Дата погребения выводится на основании сравнительного анализа всех найденных предметов. Этот пример приведен в начале главы потому, что он использует полное количество данных; известны обстоятельства его раскопки, легко определимы части его инвентаря. Вторым примером берем образец восстановления большой художественно-

исторической концепции на основании изучения ничтожного обломка, при чем обстоятельства находки почти ничего не дают для датировки памятника. На этом примере лучше всего изучить сравнительный метод стилистического анализа и метод реставрации памятника по сохранившейся его части.

### РАСКОПКА МОГИЛЬНИКА

Для примера раскопки могильника мы берем одну неизданную до сих пор могилу, открытую в Керчи в 1920 году. Она интересна тем, что дает возможность показать, как можно определить время погребения даже в том случае, если в гробнице нет монеты.

Керченская гробница была найдена 27 сентября 1920 года описанным выше способом посредством щупа. Она находилась на южном склоне горы Митридата, на расстоянии 110 м. на запад от II кресла Митридата, как называют второй скалистый выступ.

Раскопанная могила находилась на глубине одного метра от поверхности земли. Костяк лежал головой на север. В слое земли, покрывавшей могилу, были найдены: обломок глиняной чашечки с выпуклыми рисунками (так называемой „мегарской чашки“) какой-то птички, покрытый плохим, тусклым черноватым лаком, затем обломок маленького флакона для душистого масла (так называемого „лекифа“), простая чашечка из обожженной глины, раздавленная, и медный, сильно окислившийся, небольшой ножик без черенка. Вся гробница была составлена из огромных, прекрасно обожженных четырехугольных черепиц, и ими же была перекрыта, 4 черепицы имели фабричные клейма, доказывающие их происхождение из Феодосии. По снятии верхних черепиц и по удалении земли, наполненной ящик, могилы был обнаружен сильно истлевший костяк человека, лежавший на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. При остова были найдены следующие предметы: в головах покойника стояла глиняная миска с крышкой (так называемая лекана), рядом лежали кости какой-то птицы, несомненно, остатки пищи. Здесь же, рядом с леканой, у левого виска костяка находился кубок для питья вина, покрытый плохим бурым лаком, который характерен для сосудов эпохи так называемого эллинизма, т.-е. эпохи культурного смешения греческой культуры с восточными (начиная с Александра Македонского). Этот кубок покрыт продольными полосками, проведенными чем-то острым.

На этом кубке был найден маленький золотой кружок с выдавленными на нем точками. Быть может, этот кружок был прикреплен к ремню, совершенно истлевшему, или, быть может, является принадлежностью еще какой-нибудь мелкой, совершенно не сохранившейся вещи. У правого плеча костяка, отверстием к плечу, лежала ваза с двумя ручками, так называемая пелика. Особенностью этой вазы является ее рисунок, который покрывает туловище вазы. Он исполнен водяной краской и изображает, на одной стороне вазы — голову лошади и женщины, на другой, повидимому, представлены две мужские фигуры. На правой плечевой кости покойника была найдена простая пряжка из меди, скреплявшая надетый на нем плащ. Здесь же была найдена крохотная золотая бусинка, величиною с булавоочную головку, быть может, и действительно, головка от истлевшей железной булавки.

Далее, на высоте правой тазовой кости были найдены жалкие остатки переделанного ржавчиной ножа, несомненно, висевшего на боку, как подручное оборонительное оружие. На левой руке покойника, на четвертом пальце было надето простое медное кольцо. Кроме этих предметов, в гробу, т.-е., вернее, внутри черепиц больше ничего не

оказалось. Вопрос о том, был ли деревянный гроб открытый, — неразрешим, так как от него решительно ничего не оказалось. Следует сказать, что погребения в черепичных футлярах, повидимому, совершались без гроба, так как ни разу при многократных находках подобных могил не было заметно следов деревянного гроба. Пересыпав через грохот (особое железное решето для просеивания мелкой земли) могильную землю, археолог приступил к осмотру черепиц и здесь, к немалому его удивлению, он заметил еще три предмета, положенные с наружной стороны черепичной коробки возле правого плеча костяка: это была маленькая глиняная чернолаковая коробочка, в которой хранились разные мелочи, пудра и проч. Это — пиксида, коробочка для туалета. Рядом с ней лежал алебастровый черенок от небольшого ножа, совершенно разрушенного ржавчиной, и рядом же лежала небольшая глиняная круглая мисочка, такой же формы и величины, как и найденная в засыпи могилы, т.е. в слое земли, покрывавшей гробницу.

Следует заметить, что раскопки керченских могил нам показывают примеры подобных приношений предметов, которые находятся вне гроба. Как раз в 1908 году в могиле № 42 (см. Известия Археологической Комиссии, вып. 40) за черепицей гробницы была найдена чернолаковая чашечка. Размеры изучаемой гробницы: длина — 1,78 м., ширина — 0,63 м., глубина — 0,46 м.

Эта гробница интересна для нас тем, что мы, хотя в ней и не находим монеты, все-таки можем, хотя бы приблизительно, определить время ее сооружения, т.е. установить, как говорят, ее дату. Для этого следует остановиться на некоторых памятниках, происходящих из этой гробницы, прежде всего, на кубке, затем на акварельной вазе с двумя ручками и на туалетной пиксиде. Кубок, как мы уже сказали, является довольно типичным произведением эпохи III—II века до нашей эры. Путем сопоставления разных музейных памятников этого же рода можно доказать, что этот кубок должен относиться к позднейшим временам греческой культуры, но еще до появления римлян, как новых организаторов мирового государства.

Наш кубок имеет около 10 сантиметров высоты и 7,6 сантиметра в диаметре под ручками. Совершенно ясно, что этот кубок имитирует металлический, что именно характерно для эллинистической эпохи. Словом, особенности этого памятника заставляют датировать его второй половиной III века (250—200 гг. до р. X.).

Ваза с двумя ручками (пелика) особенно важна для определения времени: дело в том, что акварельная разрисовка ваз появляется только тогда, когда краснофигурные вазы являлись недоступными. Это происходило потому, что по военным обстоятельствам того времени была прервана торговля с Афинами, тогдашним высоко-культурным центром. В Керчи было найдено несколько склепов с повторными погребениями, при чем первоначальное имело краснофигурную вазу, а вторичное погребение имело такую же вазу, но расписанную в подражание краснофигурной акварельными красками<sup>1</sup>. Вот эти склепы учат нас тому, что вазы с акварельной живописью, являясь подражанием исчезнувшему краснофигурным вазам, появляются непосредственно вслед за афинскими вазами. Если последние исчезают вскоре после потери Афинами политической независимости, т.е. в середине III столетия до нашей эры, то сейчас же появляются акварельные вазы. И они исчезают только тогда, когда появляются вазы с рельефной (выпуклой) живописью. Таким

<sup>1</sup> См. Изв. Арх. К., вып. 47, стр. 11 (могила № 35). Часто аквер. пелики находили с поздними краснофиг. лекифами с пальметкой и сеткой. См. Изв. АК. вып. 7, Отчет 1901, мог. 24; там же, вып. 30, Отчет 1906, мог. 98; вып. 47, мог. 17 и 34.

образом, акварельные вазы существуют с 250 по 150 годы до нашей эры. Придя к этому выводу, нам следует еще остановиться на большем уточнении нашей датировки. Этому может помочь та глиняная коробочка с крышкой, которую нашли за пределами черепичной коробки гроба. Она представляет собою круглую коробочку в форме цилиндра, поставленную на круглое блюдечко. Эта коробочка сверху покрывалась особой крышкой также в форме цилиндра, поверх которого мы видим как бы опрокинутое блюдце. Эта крышка и блюдце покрыты особенным орнаментом (украшением) в виде рисунков, сделанных накладной глиной по черному лаку, которым покрыта вся пиксида. Но этот лак не первоклассный, он не очень блестящий и обладает тусклым графитовым отблеском.

По качеству лака можно определить время изготовления этой посуды. Чем блестящее лак, тем древнее ваза. Посуда V и IV столетий отличается великолепным, густым черным лаком, а посуда конца IV и III веков покрыта плохим, тусклым лаком. Именно таким лаком и покрыта пиксида нашей разбираемой гробницы. Следовательно, пиксида относится к эпохе эллинизма, т.е. началу III века до р. Х. Вывод: гробница должна быть датирована серединой III века.

В это время на территории Керчи была древнегреческая колония Пантикапей, столица эллино-скифского Боспорского царства. Середина III века нам известна, как время большого экономического процветания этой страны. Эллинистические государства, процветавшие на востоке, враждовали тогда друг с другом и позволяли царькам Боспора распространять безбоязненно свою власть все дальше, в сторону Кавказа и Крыма.

### **ОБЛОМОК АТТИЧЕСКОЙ КРАСНОФИГУРНОЙ КОТИЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АПОЛЛОНА ИЗ КЕРЧИ**

Нам посчастливилось в 1921 году случайно найти этот обломок во время прогулки по горе Митридата, в Керчи. Обломок вывалился из культурного слоя, повидимому, под влиянием дождя, размывшего северный склон горы. Обломок, насколько это можно было установить, происходит, таким образом, из жилого мусора древнегреческого города Пантикапея, бывшего некогда на месте Керчи. Обломок разбит на две части (излом свежий). Размеры всего обломка следующие: наибольший диаметр—0,043 м., наименьший диаметр—0,032 м., толщина—0,003 м.

Так как обломок представляет по своей форме неправильную трапецию, то необходимо дать размер каждой стороны. Сторона, некогда служившая закраиной сосуда (обломок представляет верхнюю часть какого-то широко открытого сосуда), имеет длину 0,036 м., следующая (направо от зрителя) сторона имеет 0,04 м., следующая—0,029 м. и, наконец, самая меньшая сторона—0,012 м. С внутренней стороны, которая легко узнается по выпуклости всего черепка, обломок покрыт великолепным, густым черным лаком. Судя по одному лаку, густому и ярко блестящему, черепок должен быть датирован лучшей порой греческого искусства и техники. Наружная сторона обломка также покрыта таким же черным, густым лаком, представляющим собой фон для уцелевшей части какого-то изображения, сделанного красным по черному. Рассмотрим поближе, что нарисовано на лицевой части обломка... Посмотрите на прилагаемый рисунок, и вы увидите, что уцелела только верхняя часть какой-то юношеской фигуры (по грудь). Голова юноши обращена налево, на ней надет лавровый венок; волосы изображены завитыми, густые пряди спускаются на спину, а одна выбилась на грудь. Это не просто: художник этим хотел

подчеркнуть сильное и внезапное движение направо. Волосы на лбу также представлены завитыми; кокетливые локоны падают на лоб, а три из них падают на висок. Лицо юноши показано в профиль. Очень тонко нарисованы черты лица. Под удивленно и несколько гневно поднятыми бровями художник нарисовал глаз юноши, прямо устремленный на кого-то направо от себя. Интересно отметить, что глаз нарисован также в профиль, т.-е. совершенно правильно, как мы его видим при этом повороте головы. Значит, художник умел рисовать. А из истории греческой вазовой живописи мы знаем много ваз, рисунки на которых нам показывают, что греческий художник очень долго не умел рисовать, как следует, человеческого глаза. Полное овладение рисунком также является своего рода датирующим обстоятельством для обломка.

Прямая линия лба и носа, несколько приоткрытые губы, как будто что-то говорящие,—все это свидетельствует о большом мастерстве художника. Также хорошо изображено тело юноши, вернее, его сохранившаяся часть. Правая его рука чуть поднята. Через правое плечо перекинут плащ. Мастер рисунка еще не отошел от чисто, так сказать, линейной передачи тела: все мышцы груди, а также все видимые углубления на месте ребер художник передал линиями, а ребра—чрезвычайно своеобразно: ребра переданы в виде как бы щипцов... ничего другого более подходящего для сравнения нельзя подобрать. Совершенно так же изображены ребра на одной вазе, где изображен Тезей, замахающийся двуострой секирой<sup>1</sup>. Это сходство, а также другие, упоминавшиеся выше, особенности рисунка (некоторая строгость в передаче лица) говорят за то, что мы имеем перед собой произведение художника после 460 года до нашей эры, т.-е., другими словами, художник работал в духе мастеров развитого, но еще строгого стиля<sup>2</sup>. Но, кроме фигуры юноши, на обломке мы видим слева от зрителя часть какого-то предмета; при сравнении с изображениями на других древних вазах мы узнаем в этом предмете верхнюю часть священного треножника, к которому был прикреплен лебет (нечто вроде котла или таза<sup>3</sup>). Раз это так, то мы во всем рисунке можем видеть часть какой-то целой картины или, как говорят, композиции. Что это так, мы можем сами убедиться, сравнив наш обломок с вазой, которая находится в Британском музее<sup>4</sup>. На ней мы видим изображение такого же юноши, как на нашем обломке. Этот юноша старается вырвать у своего соперника слева (от зрителя) треножник. Это давно знакомая историкам искусства сцена спора между богом солнца Аполлоном (юноша) и героем Гераклом из-за треножника. Нет смысла описывать подробно, в чем дело. Скажем вкратце: у главного греческого бога Зевса был его любимый сын Аполлон. Но помимо этого „законного“ сына был у Зевса еще „незаконный“ сын от одной смертной женщины, по имени Геракл. Этот последний однажды, так рассказывали греческие жрецы в религиозном центре Греции—в Дельфах, поспорил с самим Аполлоном из-за очищения за совершенное им убийство. Не долго думая, Геракл похищает священный треножник, на котором в Дельфах восседала жрица, изрекавшая „божественную“ волю под влиянием ядовитых паров, выходявших из расселины скалы. Но Аполлон вступился за попорченную

<sup>1</sup> Обломок стамноса Берлинского музея с изображением Тезея. Arch. Ztg. 1883, табл. 17, 1—2. Reinach, Repert. I, 450, 3—4. Ср. изображение Тезея на олимпийском фронтоне.

<sup>2</sup> Ср. Луврский кратер с Ниобидами, ср. Walters, Hist. of anc. pott. I, 442. Ср. Кануанскую гидрию с изобр. Аполлона—Reinach, I, 184.

<sup>3</sup> Ср. Reinach.—Repert. des vases peintes I, 97, 2; II, 46, 5. Ср. каталог ваз Брит. музея (Smith) III, E, 458 (стр. 280).

<sup>4</sup> По каталогу Smith III, E, 318.

„честь“ святилища и стал отнимать уносимый Гераклом треножник. Вот эта-то борьба и представлена полностью на вышеприведенной вазе, а часть этой композиции и составляет содержание рисунка на нашем керченском обломке. Мы не будем входить в подробное рассмотрение значения этого древнего сказания. Повидимому, перед нами в иносказательной форме рассказ о каких-то старинных расправах между древними родовыми организациями...

И так, даже по малому остатку треножника и по позе юноши мы можем, на основании музейного материала, с достоверностью утверждать, что наш обломок некогда составлял часть вазы, на которой был изображен спор Аполлона с Гераклом.

Глина черепка—очень высокого качества, прекрасно размешанная, красноватого цвета, с небольшими блестками слюды. Это, несомненно, насколько мы знаем вазы, подлинно происходящие из Аттики,—аттическая глина. Таким образом, обломок является частью вазы, сделанной в Аттике, а может быть, и в главном центре этой области—в Афинах.

Какова же должна быть форма вазы, частью которой является наш обломок? Для этого мы должны знать величину изгиба, даваемого закраиной обломка. Зная, так сказать, часть искомой окружности, уже нетрудно найти ее радиус. Это одна из простых задач геометрии... Словом, наш обломок, на основании произведенного решения этой „геометрической“ задачи, должен был принадлежать вазе, чрезвычайно напоминающей по своей форме нашу миску, с широким горлом и с двумя ручками. Это „котила“, как ее называли греки. Она употреблялась во время пирушек для питья вина. Можем прибавить, что на подобных вазах обычно изображение таких картин. Котила должна была иметь диаметр верхней части приблизительно около 15 сантиметров.

Вот как по малому обломку, если имеется под руками материал для сравнений, можно восстановить целое, давно уже уничтоженное временем. Но это не все. Надо заставить обломок, помимо того, что он уже дал, еще рассказать нам об эпохе, об экономике ее, о социально-политических моментах, продуктом которых он явился.

Тот факт, что обломок является продуктом заграничного, греческого производства эпохи около 460 года до нашей эры, для нас уже много говорит. Значит, в эту эпоху, когда в Афинах было правление Кимона, а потом „первого гражданина“ Перикла, уже были какие-то торговые сношения с далеким Крымом, с городами керченского пролива... Мы должны вспомнить, что соседний с Пантикапеем город Нимфей (там, где теперь деревня Эльтиген) тогда еще был независим от Пантикапея и входил в Аттический морской союз. Вспомним также, что сам Перикл во главе сильного флота появлялся в Черном море, чтобы показать всем врагам силу и мощь афинского флота... Это показывает, что Перикл понимал все значение для малопродуктивной Аттики причерноморских степей... их богатства и манили сюда греков. А Пантикапей являлся, своего рода, ключом к завладению и к экономическому господству над степями. Этот обломок дает материальное подкрепление факта торговых сношений Афин с далеким Пантикапеем, подтверждая фактически правдивость вышеперечисленных исторических сведений. Далее, эти вазы для питья вина были очень дороги и поэтому вряд ли были доступны для бедного люда. Факт привоза подобной вазы говорит, во-первых, за то, что был на них спрос. Другими словами, перед нами предмет обихода господствующего класса Пантикапея. Во вторых, факт привоза говорит нам за то, что на этой далекой окраине тогдашнего культурного мира, который сосредоточен был по берегам Средиземного моря, процветала греческая культура, хотя и у богатого класса, так

---

что даже пирные чаши привозили и был смысл привозить из далекой Греции... ведь, надо вспомнить, каковы были условия тогдашнего транспорта, когда огромные, бурные моря переплывали бесстрашные купцы на своих триремах, т.-е., по-нашему, просто на больших лодках. Жутко становится, если представить себе, сколько должно было погибнуть в бурных волнах моря этих отважных мореходов...

Наконец, еще один вывод: если подобные вазы были столь дороги, если их доставка стоила, пожалуй, и жизни многих отважных моряков-купцов, то кто же мог оплачивать все расходы по транспорту, т.-е., каковы были те политические внешние условия, при которых был бы смысл привозить из далекой Греции подобные, собственно говоря, мало нужные вещи? Повидимому, должен был быть такой политический строй, при котором в руках немногих должны были находиться большие богатства... Из многочисленных древних надписей, вырезанных на камнях, из свидетельств древних писателей мы знаем, что Пантикапей в V веке, к которому относится наш обломок, представлял общину помещиков и купцов, во главе которой стоял наследственный (выборный раньше) архонт, т.-е. чиновник, заведывавший всем государственным аппаратом. Так как главное экономическое значение области, над которой царствовал Пантикапей, было чисто земледельческое, то ясно, что землевладение стало в центре всего и очень быстро помещики (феодалы) захватили власть в свои руки. Это сосредоточение капитала в руках немногих и повело к тому, что возник большой спрос на предметы роскоши, каким предметом является и наш обломок.

Так много говорит нам о прошлом этот маленький, почти незаметный обломок. Так, собственно говоря, могут говорить для нашего сознания и многие другие памятники. Надо только быть чувствительной антенной для улавливания тех мыслей, тех данных, которые таят в себе даже такие малые обломочки, но которые развертывают перед нами грандиозную картину прошлых страниц истории человечества. Надо только уметь подойти к этим молчаливым свидетелям прошлого, и они расскажут о прошлом лучше и красноречивее всех историков, географов и ораторов древности... Вот почему археология по праву может быть названа наукой будущего.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой книжки нами были показаны на ряде избранных примеров методы добывания и последующей обработки памятников материальной культуры. Разумеется, число приведенных иллюстрирующих примеров может быть значительно увеличено. Теперь приходится подвести итоги.

Для этого мы остановимся на ошибках методов исследования, как на пункте, наиболее важном для ищущих правильных путей достижения истины в историческом знании. Мы видели, как вредна в человеческой деятельности навязчивая идея, предвзятая мысль, которая стремится в свое Прокрустово ложе уложить факты живой действительности. Ярким примером служит случай с Беттихером и его „Offentheorie“. Не менее вредной является излишняя фантазия, субъективность подхода к памятникам и отсутствие критики, что особенно характерно для деятельности Шлимана. Вспомним только, сколько раз он ошибался, сжигал то, чему только что поклонялся, и т. д.

Вредят делу объективного исследования также слепые предвзятые идеи о греческом совершенстве, идеи, перешедшие по наследству от эпохи романтического идеализма. Особенно страдали этим руководители

олимпийских раскопок. Последнюю крупную ошибку— „недостаток исследования“—мы также должны отметить в троянской и ской археологических кампаниях. Исследователь должен понимать на минуту не забывать о той огромной ответственности, которую несет, можно сказать, пред целым человечеством в деле умножения сокровищницы его исторических знаний... Он должен твердо помнить, что в большинстве случаев (курганы, гробницы, слои городищ) истинный материал в силу самого процесса его изучения гибнет на месте. Поэтому исследователь в своих работах должен преследовать след „археологические добродетели“:

осмотрительность;  
внимательность;  
отчетливость;  
объективность;  
честность;  
истинность показаний;  
точность<sup>1</sup>.

Разумеется, мы далеки от мысли, что приведенными выше примерами исчерпаны все археологические вопросы. Отнюдь нет. Есть ряд важнейших вопросов в области датировки, реставрации, сохранения памятников, наконец, экспозиции коллекций, которые ждут своего выявления и решения. Но этим вопросам предстоит посвятить особую работу, в виду их важности и богатства затрогиваемого материала...

<sup>1</sup> Раскопки Херсонеса, например, несмотря на то, что они ведутся уже 100 лет, до сих пор не дали нам ясной картины жизни древнего города и даже не дали ответа на ряд основных вопросов истории и археологии Херсонеса. Это вследствие того, что раскопка велась хаотично, путем постановки и разрешения ряда частных проблем, затрагивающих Херсонес в целом. В Керчи, например, вся энергия археологов была сосредоточена на раскопку почти исключительно древнего могильника. Правда, этому есть оправдание в виде наличия стихийного кладонскательства.